

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АДМИНИСТРАЦИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ДИНАМИКА
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО
СОСТАВА ЯЗЫКА**

ТЕЗИСЫ

международной научной конференции

24 – 25 ноября 1999 года

КУРГАН, 1999

УДК 415.6 (043.2)

Д 46

Динамика фразеологического состава языка: Тезисы международной научной конференции. -Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 1999.- 78 с.

В сборник вошли тезисы докладов профессорско-преподавательского состава России, Болгарии, Польши, Белоруссии, Словакии, в которых рассмотрены различные процессы устойчивости и изменчивости семантики и грамматики фразеологического фонда разных национальных языков. В докладах проанализированы типы и характер динамичности фразеологизмов, предложены новые методики семантического анализа, представлены результаты научного исследования отдельных групп, классов, разрядов фразеологизмов.

Сборник адресуется лингвистам-исследователям, преподавателям русского языка как родного и иностранного, студентам филологических факультетов.

Редакционная коллегия: д.ф.н. проф. Лебединская В.А. (отв. редактор),
к.ф.н. доц. Усачева Н.Б., к.ф.н. доц. Ратушная Е.Р.

ISBN 5-86328-295-9

© Курганский
государственный
университет, 1999

ЗАМЕТКИ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНТАМИНАЦИИ И СМЕЖНЫХ ЯВЛЕНИЯХ

Под контаминацией принято понимать намеренные или ненамеренные соединения компонентов двух разных конструкций, сходных по форме или по значению. Контаминация может реализоваться на уровне морфемы или части слова и на уровне свободных или несвободных (фразеологических) словосочетаний. Конкретные результаты фразеологической контаминации в строго научном плане являются ненормативными образованиями, не отвечающими сложившимся традициям семантических связей между компонентами языка, а точнее, отдельными словосочетаниями. Именно контаминация создает такие «перлы» так называемого бюрократического языка, канцеляризмы, как **играть значение** (контаминация **иметь значение** и **играть роль**), **применить меры** (контаминация **принять меры** и **применить закон**), **предпринимать усилия** (контаминация **прилагать усилия** и **предпринимать какое-либо дело**) и т.д. Контаминироваться могут два несвободных сочетания и свободное с несвободным, относительно близкие по значению крылатые слова, пословицы, идиомы.

Источником контаминаций является либо недостаточная языковая компетенция носителя языка, либо элементарная небрежность, как правило, в устном обиходном общении. Достаточно часты случаи, когда возникают штампы, засоряющие речь профессиональных, но не очень квалифицированных лекторов.

Есть основания различать фразеологические контаминации в узком смысле слова (только что рассмотренные модели) и в более широком смысле - нарушение традиционных валентностей, действительный или кажущийся алогизм сочетаемости или подчинения слов в предложении, так называемая народная или ложная этимология. Это ставшие хрестоматийными и анекдотическими нелепости типа объявлений «Изготовление детских кофточек из шерсти родителей», «Копчености из мяса заказчика», столь популярные в курганской рекламе «Товары импортного производства», «Kinderhemden im Alter von 12-14 Jahren», «Katltes Mamsell» (немецкие примеры Э.Г. Ризель). Подобные случаи могут быть результатом языковой небрежности или выступать как вполне осознанные и целенаправленные стилистические приемы, прежде всего как средство создания юмора и сатиры.

Как и многие другие явления языка и стиля, контаминация может рассматриваться с разных классификационных исходных позиций, что позволяет включить в объект исследования и феномены зевгма, оксюморон и более отдаленный – синестезию. Такой подход, в свою очередь, выводит исследование на совершенно новые горизонты - перенос значения.

Направления исследования весьма многообразны: и отдельные случаи этимологии, и пародирование существующего фразеологизма, и замещение отдельных элементов.

Некоторые исследователи утверждают, что контаминированные соединения всегда имеют характер отступления от нормы, роль их в общем процессе развития новых сочетаемостей несущественна (Н.Ю. Шведова). Это утверждение представляется далеко не бесспорным, о чем свидетельствует ряд фактов из истории

языков и наблюдения над современным функционированием языка во всех сферах общения.

Вопрос о норме может рассматриваться только в динамике, характер которой не ограничивается какими бы то ни было жесткими закономерностями и допускает выход за пределы системы.

Наблюдения за фразеологическими контаминациями позволяют выдвинуть рискованную, по-видимому, гипотезу, что сама возможность контаминирования может послужить одним из факторов эволюции синтаксиса.

*Алейникова Т.В. (Таганрог),
Никулина Л.И. (Курган)*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-АНТРОПОНИМАМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологизмы с компонентами-антропонимами разнообразны по происхождению, но образуют автономную подсистему во фразеологическом фонде современного литературного языка. Их «выделителем», маркирующим признаком является наличие в их составе имени собственного человека.

Источником таких фразеологизмов были античная мифология (**ахиллесова пята**, **авгиевы конюшни**, **сизифов труд**, **геркулесовы столбы**, **подвиг Геракла** и т.п.) библейские и евангельские сюжеты (**поцелуй Иуды**, **Фома неверующий**, **валаамова ослица** и т.п.). Многие из фразеологизмов являются отголосками действительных исторических событий древней и более новой поры (**пиррова победа**, **разрубить гордиев узел**, **Марий на развалинах Карфагена**, **Ганнибал у ворот**, **как Мамай прошел**, **столыпинский галстук**, **потемкинские деревни**).

Антропонимы, образующие фразеологизмы, своим происхождением связаны с различными языками. Наибольшее количество фразеологических единиц образовано греческими именами собственными: Ахиллес (**ахиллесова пята**), Ариадна (**ариаднина нить**), Геракл (**геракловы подвиги**) и т.д. Фразеологизмы с компонентами-антропонимами удерживают в памяти современного человека имена царей, богов, мифических героев, титанов.

Отдельные антропонимы греческого происхождения образуют целые фразеологические серии: Сизиф - **сизифов труд**, **сизифов камень**, **сизифова работа** (все три фразеологизма используются для обозначения тяжелой, изнурительной, безрезультатной работы); Геркулес - **геркулесов труд**, **геркулесов подвиг**, **геркулесовы столбы** (выражения употребляются для обозначения дела, которое требует необыкновенных усилий).

На втором месте по продуктивности фразообразования - имена древнееврейского происхождения: Адам (**в костюме Адама**), Лазарь (**петь Лазаря**), Ева (**в костюме Евы**), Соломон (**соломонов суд**), Молох (**приносить жертву Молоху**), Валаам (**валаамова ослица**).

Участвуют во фразообразовании римские антропонимы: Марс (**сын Марса**), Марий (**Марий на развалинах Карфагена**), Янус (**Янус двуликий**), Фортуна (**Фортуна улыбнулась**, **колесо Фортуны**), Эзоп (**эзопов язык**).

Редко во фразеологических единицах встречаются имена французского (**Бурдана осел**), испанского (**Дон Кихот**, **Дон Жуан**), английского (**сапоги выше Шекспира**), немецкого (**Вертер и Шарлотта**), итальянского (**Дантов ад**, **Монтеки и Капулетти**), тюркского (**Мамаев побище**, **Калин-царь**), русского происхождения (**Берендеево царство**, **шемякин суд**, **при царе Горохе**).

В состав фразеологических единиц входят мужские и женские имена, причем следует отметить большую представленность мужских имен, что объясняется, по-видимому, большей экономической и политической ролью мужчин в обществе в те времена, когда возникали эти фразеологизмы. Это подтверждается и семантикой фразеологических единиц: женские антропонимы используются во фразеологизмах, обозначающих бытовые и нравственные понятия: **в костюме Евы**, **Ариаднина нить**, **на маланьину свадьбу**, мужские - во фразеологизмах, обозначающих понятия, связанные с общественно-политической и военной деятельностью: **Ганнибалова клятва**, **столыпинский галстук**, **марсово поле**.

Многие из фразеологических единиц этого круга должны изучаться в школе, не подлежит сомнению их познавательная, культурно-образовательная, воспитательная и эстетическая ценность.

Алефиренко Н.Ф. (Волгоград)
Елисеева О.В. (Астрахань)

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Метонимия как средство вербализации психического закона ассоциации может служить специфическим способом формирования фразеологического значения, в основе которого лежат отраженные сознанием представления об устойчивых связях и отношениях двух денотатов и его части или признаки по их смежности.

Фразеологизация, имеющая характер метонимических переосмыслений, осуществляется двумя путями: путем полной и путем частичной метонимизации. Учитывая опыт исследования ФЕ с метонимическими значениями Ю.А. Гвоздарева и Л.Б. Савенковой, мы выделяем следующие типы метонимических переосмыслений, приводящих к образованию ФЕ с целостным метонимическим значением: 1) выражение внутреннего состояния человека путем называния внешнего, наблюдаемого признака, сопровождающего обычно такое состояние, например: *делать большие глаза* – «удивляться»; *качать головой* – 1) «делая движения головой из стороны в сторону, отрицать что-либо, сомневаться в чем-либо»; 2) «живая головой, выражать согласие с кем-либо или с чем-либо»; *пожимать плечами* – «недоумевать»; *потирать руки* – «радоваться»; *скалить зубы* – 1) «огрызаться, сердиться, выражая в резкой или грубой форме свое негодование, возмущение»; 2) «смеяться, хохотать, насмехаться» и др.;

2) называние предмета, связанного с определенным временем в жизни человека или общества, для обозначения соответствующего времени, например: *до седых волос* – «до старости», *до первых петухов* – «за полночь», *до вторых петухов* – «до глубокой ночи», *до третьих петухов* – «до рассвета», *на универси-*

тетской скамье – «во время обучения в университете», *со школьной скамьи* – 1) «сразу же после окончания школы»; 2) «со времени обучения в школе», до гробовой доски – «навсегда» и др.;

3) символические переосмысления, отражающие связь с символическими действиями, с национальными ритуалами, например: *выносить вперед ногами* – «хоронить», *ударять по рукам* – «договариваться, приходиться к согласию во время торга, договора», *встречать хлебом-солью* – «приветствовать», *указывать на дверь* (кому) – «выгонять» и т.п.;

4) переосмысления, связанные с указанием на причинно-следственные отношения, связь действий, на внешнее проявление внутреннего, скрытого от стороннего наблюдателя процесса: *гнуть спину* – «трудиться до изнеможения», *мозолить руки* – «много трудиться физически», *обивать пороги* – «настойчиво ходить куда-либо, добиваться чего-либо, проса о чем-либо», сюда же можно отнести и ФЕ, описывающие состояние, свойства, качества, и т.п. по их конкретным проявлениям, например: *пальчики оближешь* – «очень вкусный», *тугой кошелек* (у кого) – «кто-либо богат, имеет много денег», *тощий карман* (у кого) – «кто-либо беден» и т.п.;

5) ФЕ, обозначающие предмет или явление атрибутивным признаком, – тип ФЕ, в которых функциональная характеристика подменяется формальной: *белый билет* – «свидетельство о непригодности к службе в армии по состоянию здоровья», *большая дорога* – «место грабежа, разбоя».

Более редкими для фразеологизации являются метонимические переносы, связанные с обозначением отношений не зависимости, а соположения. Здесь выделяются ФЕ: а) указывающие на пространственное соположение: *бок о бок* – 1) «совсем рядом, близко друг к другу»; 2) «вместе» (жить, работать); *плечом к плечу* – 1) «рядом, один возле другого», *лоб в лоб* – «не отклоняясь, навстречу друг другу идти, лететь и т.п.» и др.; б) выражающие отношения соизмеряемости, среди которых есть обозначения мер расстояния: *на пушечный выстрел* – «на почтительное, значительное расстояние» (не подпускать кого-либо); *не окинешь взглядом* – «о большом пространстве, которое трудно воспринять зрением»; в) обозначающие количества: *по пальцам перечесть можно* – «очень мало кого-либо или чего-либо»; г) называющие меры времени: – *одним духом* – 1) «сразу, в один прием», 2) «очень быстро, мгновенно»; *глазом моргнуть не успеешь* – «очень быстро» (что-либо произойдет).

Изложенные выше типы формирования фразеологических значений – результат полной метонимизации свободносинтаксического генотипа. При частичной метонимизации в основе фразеологизации лежит метонимическое переосмысление одного, главным образом, именного компонента. Для ФЕ с частично метонимическим значением характерен тип наименований, представляющий предмет через описание его свойств, качеств, сопутствующих ему внешних атрибутов. Это особенность именных ФЕ, возникших на базе отдельных слов: *бедовая голова* – «отчаянный, смелый человек», *злые языки* – «любители пересудов, сплетники, клеветники», *заячья душа* – «трусливый, робкий человек», *чужие глаза* – «посторонний человек», *лишний рот* – «человек, который обременяет других, в тягость другим как едок», *рабочие руки* – «работник», и т.д. Адъективный компонент в подобных ФЕ генетически выступает художественным определением, средством эмоционально-экспрессивной оценки тех или иных свойств человека.

Фразеологическим значением, сформированным по модели частичной метонимизации, обладают именные фразеологические синекдохи.

Алефиренко Н.Ф., Заметалина М.Н.
(Волгоград)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БЫТИЙНО-КВАНТИТАТИВНОГО ПОЛЯ

Фразеологические словари русского языка в качестве материала исследования дают минимум фразеологизмов с так называемой «чистой» бытийностью. Иначе обстоит дело с такими ФЕ, в которых наблюдается комбинаторика категорий бытийности и квантитативности: их в современном русском языке значительно больше, чем на начальном этапе формирования анализируемого поля. Так, в XIV-XV вв. происходило лишь первоначальное становление ФЕ с квантитативной семантикой, в то время как значение бытийности в них письменные памятники этого периода не фиксируют. Иначе говоря, развитие категорий бытийности и квантитативности в ФЕ происходило не синхронно. Ср. примеры, взятые из Лаврентьевской летописи (1377 г.): 1) и миру нь конца; 2) илже нъ числа. Как и в современном русском языке, в высказываниях актуализирован смысл «очень большое количество». Обращает на себя внимание первый пример, в котором выражение **на** конца - это либо усеченный фразеологизм (нет конца-краю), либо же это только формирующийся фразеологизм.

Можно предположить, что в период XIV-XV вв. формировалась ФЕ **нет (несть) числа**, так как мы встречаем ее различные варианты. Ср.: 1) и Толико ы множество ивои гоко и числа нътуть (Ипатьевская летопись); 2) вели бо Гъ цвел крѣпость и разуму его нес числа (Ипатьевская летопись).

Семантическая динамика анализируемых ФЕ имеет нарастающий характер, достигая в XX в. своего апогея: выделяется более 20 ФЕ, синкретично совершающих категории бытийности и квантитативности. Они подразделяются на две основные полярные группы - передающие а) наличие большого количества чего-либо и б) отсутствие или совсем малое количество чего-либо. Многие из них ориентированы на характеристику материального состояния субъекта (денег куры не клюют): У бабки, как все говорят, денег куры не клюют... (И. Шмелев); ни гроша (ни алтына, ни копейки) за душой: У Живахова было триста тысяч долгу и ни копейки за душой, и он жил же, да еще как! (Л. Толстой)

В современной русской фраземике уже допустимо такое взаимодействие категорий бытийности и квантитативности, когда они являются равноправными. Так, в предложении Там (в поле) всякого зверья **понабито-видимо-невидимо** (А.Н. Толстой) ФЕ **видимо-невидимо** совместно с предшествующим контекстом передает как значение квантитативности, так и бытийную семантику.

Таким образом, рассмотренные ФЕ, синкретично совмещая бытийную и квантитативную семантику, занимают свое место в бытийно-квантитативном поле как фрагменте языковой системы.

Алещенко Е.И.
(Волгоград)

ТИПЫ ВАРИАТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОЭТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Вариативность поэтических фразеологизмов создается более разнообразными языковыми средствами, чем у слов. Различают фонетическое, словообразовательное, лексическое, морфологическое и синтаксическое варьирование.

Вариантами поэтических фразеологизмов следует считать такие традицион-но воспроизводимые разновидности, которые имеют расхождения в своем лексическом составе (включая фонетические и словообразовательные различия) и грамматическом оформлении, но непременно сохраняют общую образную основу, формирующую инвариантное фразеологическое значение.

В соответствии с областью, в которую вносятся изменения, варианты поэтических фразеологизмов бывают лексические, лексико-грамматические, фонетические и словообразовательные.

Лексические варианты возникают в результате взаимозамены отдельных знаменательных или служебных слов: **краска негодования/пятна негодования**: «На щеках у Анны Михайловны выступили **пятна негодования**» (Н.С. Лесков).

Грамматические варианты представляют собой взаимозамену форм компонентов или изменение структурной модели (**впотьмах все кошки серы/впотьмах все кошки серые**): Винить нельзя: разговоров, верно, не было, а **впотьмах все кошки серые** (Н.С. Лесков); (**близко к сердцу/к сердцу близко**): Нет, это уж пусть другие пишут. – Отчего ж? – **К сердцу** очень **близко** (Н.С. Лесков).

Лексико-грамматические варианты сочетают варьирование одного или нескольких компонентов с варьированием их грамматических форм (**стереть в порошок/растолочь в порошок**): Видно уже, что весь человек в ней домертва **в порошок растолчен**» (Н.С. Лесков).

Фонетические варианты редки, при их появлении изменяется ударение или один из звуков: (**обнять мыслью/обнять мыслию**).

Словообразовательные варианты отличаются от инвариантов словообразовательными аффиксами лексических компонентов: **с сердцем распротисть/с сердечком распротисть**. При этом, так как воспроизводимость связана прежде всего с традиционностью лежащих в их основе образов, воплощение это может быть достаточно свободным. Оно лимитируется лишь фантазией писателя и коммуникативно-прагматическими целями его произведения. Поэтому в этой области существует простор не столько для вариативности, сколько для деривации.

Байрамова Л.К.
(Казань)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

Многочисленные работы по фразеологии, различного рода фразеологические словари, увидевшие свет в последние 30 - 40 лет и выполненные на материале

ле самых разнообразных языков, утверждают наличие фразеологических универсалий. Индуктивность (эмпиричность) фразеологической универсалии проявляется в констатации того, что фразеологизмы есть во многих языках.

Как показывает анализ фразеологизмов разных языков, можно выделять, на наш взгляд, несколько типов фразеологических универсалий.

1. Сущностные универсалии.

Сущностными универсалиями во фразеологии являются антиномии как выражение определенных релевантных и факультативных характеристик фразеологических единиц. Многие антиномии были описаны исследователями. Это – устойчивость/неустойчивость, имплицитность/эксплицитность, образность/безобразность, экспрессивность/нейтральность (В.М. Мокиенко), симметрия/асимметрия (А.В. Кунин), апплицируемость/неапплицируемость, мотивированность/немотивированность (В.П. Жуков). Синтагматические и парадигматические свойства фразеологизмов также являются сущностными универсалиями.

2. Прагматические (психолингвистические) универсалии.

К прагматическим универсалиям относятся все виды фразеологических трансформаций (субституция, инверсия, эллипсис и др.), индивидуально-авторски используемых в прагматических целях писателями, ораторами, публицистами.

3. Методологические универсалии.

Методологическими универсалиями являются фразеосемантические поля, которыми исследователи нашли возможность представить теоретическую модель «картины мира», а также фразеосемантические гнезда, включающие фразеологизмы с «универсальными» компонентами: космонимами, соматизмами, зоонимами, фитонимами, числительными; компонентами, обозначающими цвет, пищу и т.д.

4. Концептуальные универсалии.

Концептуальными фразеологическими универсалиями раскрывается сущность универсальных концептов (любовь, счастье, совесть, ложь, конфликт и т.п.).

**Белозерова Ф.М.,
Евграшина О.Л.
(Курган)**

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

**(на материале фразеологических единиц с компонентом-наименованием
профессии в английском, немецком и русском языках)**

Все фразеологические единицы обладают одной особенностью - они характеризуются национальной спецификой, обусловленной опосредованным отражением в языковых единицах национальных особенностей этноса-носителя языка. Пословицы с компонентами-наименованиями профессии в английском, немецком и русском языках обладают глубокой самобытностью, так как в основе их лежат образы, типичные для рассматриваемых языков. В национальном колорите воплощается языковая картина мира, так как посредством ФЕ выражается отношение данной нации к различным явлениям жизни. Связь между языком и культу-

рой народа, говорящего на этом языке, хорошо известна. Если же обратиться к фразеологии, то следует отметить, что фразеологические единицы рождаются в результате осмысления необходимости найти знаковое выражение для определенных событий, ситуаций, ощущений человека. Каждый язык находит свои языковые средства для отражения одной темы, например: *англ. «A carpenter is known by his chips», нем. «Das Werk lobt den Meister», русс. «Мастера по работе видно».*

Воплощение картины мира в языке можно выявить, анализируя конкретные ФЕ разных языков, их образность. Национально-культурный компонент в образности фразеологических единиц ярко проявляется при сопоставлении разных языков. Рассматривая ФЕ английского языка, можно отметить, что только в английской фразеологии встречаются названия таких профессий, как *tinker* - жестянщик, *weavers* - ткачи, *hatter* - шляпник: *as drunk as a tinker* (букв. пьян как жестянщик); *as great as two inkle-weavers* (букв. быстр, как два ткача); *as mad as a hatter* (букв. безумен как шляпник).

В русских фразеологических единицах не встречаются названия указанных профессий, из чего можно заключить, что эти ремесла более характерны для европейских жителей. В английской и немецкой фразеологии появляется название *fiddler* - *Geiger* (скрипач), отсутствующее в русской фразеологии: *as drunk as a fiddler* (букв. пьян как скрипач), *Ein zerreibt viel Saiten, eh'er Geiger wird* (букв. много струн порвешь, пока скрипачом станешь).

Названия некоторых профессий встречаются в двух языках, но используются для выражения разных ситуаций, приобретают разные оценочные характеристики, например: *англ. «Nine tailors make the man»* (букв. девять портных делают человека) и *русс. «Всяк портной на свой покрой».* В первом случае отношение к профессии портного безусловно положительно, во втором - слегка ироничное.

В ряде русских фразеологических единиц национальная специфика создается фоновыми словами-наименованиями профессий, типичных для русского быта, иногда устаревших, например: *«извозчик»* в поговорке **«Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик»**, *«бурлак»* в поговорке **«Кобылку в хомут, а бурлака в ляжку».**

Семантика фразеологических единиц как элементов системы языка своеобразна, сложна и многогранна и в разных аспектах воплощает языковую картину мира.

**Белозерова Ф.М.
Мурашкина Ю.В.
(Курган)**

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-НАИМЕНОВАНИЯМИ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

(На материале английского и русского языков)

Сопоставительный анализ фразеологических единиц позволяет утверждать, что большой активностью как в английском, так и в русском языках характеризуются лексические единицы *«ветер»*, *«солнце»* и *«дождь».* Во фразеологии ши-

роко представлены лексические единицы, обозначающие наиболее часто повторяющиеся природные явления.

Анализ происхождения исследуемых единиц выявил исконные фразеологические единицы, связанные с поверьями, историческими событиями, профессиональной деятельностью моряков, военных, спортсменов. Ряд фразеологизмов английского языка заимствован из немецкого и французского языков.

Семантический спектр фразеологических единиц широк, в составе исследуемого фрагмента выявлены как общие, так и уникальные фразеосемантические группы; общими для двух языков темами являются «Погода», «Народная мудрость», «Характеристика человека», «Изменение», «Совет», «Неизбежность». К фразеосемантическим группам, отмеченным только в английском языке, относятся следующие: «Действие», «Расстояние», «Интенсивность звука», «Отношения между людьми», «Состояние здоровья человека», «Состояние покоя/беспокойства», «Несвоевременность». А такие фразеосемантические группы, как «Неопределенность», «Опасность», «Безвозвратность», «Бесполезность», принадлежат только русской фразеологической системе.

Фразеологическая картина мира, выражаемая фразеологическими единицами с компонентами-наименованиями природных явлений в английском и русском языках, характеризуется национальной специфичностью и определяется своеобразием выбора лексических единиц, вовлеченных в сферу переосмысления, перечнем семантических рубрик, ассоциациями, которые приобретают наименования природных явлений в составе фразеологических единиц. Фразеологический состав языка играет важную роль в трансляции культурно-национального самосознания народа. Этот тезис подтверждается исследованием особенностей фразеологических единиц с компонентами-наименованиями природных явлений в английском и русском языках.

Белозерова Ф.М.
(Курган)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОНИМОВ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Определенные тематические группы лексики широко представлены во фразеологических единицах. Например, этнонимы в английском и русском языках активно вовлекаются в сферу косвенной номинации. Сопоставление английских и русских этнонимов, проявляющих активность на фразеологическом уровне, выявило ряд специфических и общих для двух языков характеристик.

Большинство этнонимов-компонентов фразеологических единиц не имеют коррелятов в другом языке, так как принадлежит к фоновой безэквивалентной лексике. Среди 31 английского и 17 русских этнонимов, вовлеченных в процесс фразеологизации, обнаружены следующие межъязыковые корреляты: *Chinaman* (*Chinese*) - «китайский», *German* - «немец», *Greek* - «грек», *French* - «француз», *Gypsy* - «цыган», *Tartar* - «татарин». Большинство этнонимов в английском и русском языках входит в состав одной - четырех фразеологических единиц. Эт-

нонимы *Dutch, French, «русский», «немец»* характеризуются небольшой продуктивностью на фразеологическом уровне, являясь компонентами свыше десяти фразеологизмов.

Большой интерес представляет анализ оценочного компонента, ярко выраженного в семантике исследуемых фразеологических единиц двух сопоставляемых языков. В английском языке превалирует нейтральная и положительная оценка, в то время как в русском языке доминирует отрицательная оценка в семантике фразеологических единиц. Негативная оценка варьируется от мягкой ироничной до презрительной и оскорбительной, а многие этнонимы в составе фразеологических единиц двух языков получают весьма не лестную оценку, что связано с проблемой этической корректности и культурно-языковой лояльности.

Изучение семантики фразеологических единиц с компонентами- этнонимами подтверждает вывод о том, что они принадлежат к национально-маркированной части фразеологического фонда и являются яркой составляющей английской и русской языковых картин мира.

Бобровская Г.В.
(Волгоград)

ОМОНИМИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Литературные и диалектные фразеологические единицы, как элементы различных функциональных вариантов общенародного языка, объединяются в семантическую парадигму на основании наличия синонимичных, антонимичных, вариантных и т.п. системных отношений между ними. Особый интерес вызывают диалектные ФЕ, тождественные литературным в плане выражения, но имеющие в говорах другие значения: **ломать руки** (лит.) «волноваться» – **ломать руки** (донск.) «бездельничать»; **день в день** (лит.) «точно, вовремя» – **день в день** (донск.) «ежедневно».

Диалектные фразеологизмы, совпадающие с литературными в структурно-фонетическом отношении, но имеющие другие значения, могут быть квалифицированы как фразеологические омонимы, если они обладают семантической самостоятельностью. Важнейшими показателями омонимичности ФЕ, по нашему мнению, являются различные образы, лежащие в их основе: **ударить в грязь лицом** (лит.) «оплошать, показать себя с худшей стороны» – **ударить в грязь лицом** (донск.) «оскорбить, унижить кого-л.» (в первом случае – упасть в грязь, оказаться грязным самому; во втором – испачкать грязью другого).

Самостоятельная денотативная отнесенность совпадающих по форме фразеологизмов также является показателем омонимичности таких единиц: **гусиные лапки** (лит.) «веерообразно расположенные морщинки около наружного угла глаза» – **гусиные лапки** (донск.) «членистолистый кактус».

ФЕ, различающиеся употреблением глагольных компонентов в видовых формах, также следует отнести не к различным значениям одной единицы, а к разряду дуплетных фразеологических омонимов: **хоронить / схоронить концы <в воду>** (лит.) «из-

бавляться от улик совершенного преступления, поступка, уничтожая их следы» – **хоронить концы** (донск.) «устраивать заключительное угощение родителей невесты» (формы несовершенного / совершенного вида в первом случае и только несовершенного вида во втором).

Кроме того, омонимичные ФЕ могут иметь различные фразеологические окружения: **по совести (сказать, признаться)** (лит.) «говоря откровенно» – **по совести что кому** (донск.) «нравится, вызывает симпатию». Данный пример также показывает, что омонимы среди диалектных и литературных могут возникнуть при параллельном переосмыслении свободно-синтаксического варианта ФЕ.

Семантическое обособление может произойти в результате последовательно переосмысления – вторичной метафоризации и последующего отделения переносного значения: **терновый венец** (донск.) «растение лициний, дереза» – **терновый венец** (книжн.) «страдание, мученичество»; **тронуть сердце** (донск.) «заболеть сердечной болезнью» – **тронуть сердце** (лит.) «сильно, глубоко волновать».

Диалектные ФЕ могут совпадать по форме, но отличаться в семантическом отношении от литературных ФЕ и перифраз: **девичья краса** (лит.) «коса» – **девичья красота (краса)** (донск.) «декоративное растение космея». В говорах подобная фразеологизация может произойти в результате переосмысления значения литературного (в данном случае – народно-поэтического) сочетания.

Вышеперечисленные факторы не позволяют отнести многие диалектные ФЕ, тождественные литературным в плане выражения, но отличающиеся от них в плане содержания, к фразеосемантическим вариантам литературных ФЕ. Анализ подобных ФЕ, несомненно, представляющих интерес, выходит в область смежных с системными видами парадигматических отношений, к которым, в частности, относится омонимия. Таким образом, фразеологическая омонимия отражает нерегулярные, но имеющие место семантические процессы как в области литературных, так и в области диалектных ФЕ.

Брысина Е.В.
(Волгоград)

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ НРАВСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ В ДОНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Контактный тип коммуникации, свойственный фольклору на всем протяжении его существования, обеспечивает устойчивость некоторых фольклорных форм в различных его жанрах. В той или иной мере в произведениях устного народного творчества отражается история народа, действительность, вызывающая их к жизни и определяющая их дальнейшее функционирование, их расцвет или угасание. Фольклор раскрывает народную мудрость, философию, этику, эстетику, репрезентирует концепты нравственного мироощущения. Формирование нравственного потенциала социума, постулирование приоритетных морально-этических принципов представлено в языке и входит в нашу жизнь через язык, реализуясь в определенных лингвистических стереотипах – языковых штампах, клише,

фразеологизмах, пословицах и поговорках, фольклорных устойчивых словесных комплексах.

Особый социальный статус казачества во многом определил порядок расположения нравственных принципов на шкале духовных ценностей. Ведущее место в этой системе занимает концепт «честь», который одинаково активно реализуется почти во всех жанрах устного народного творчества: **Грудь в крестах - или голова в кустах** (посл.), **Быть-то нам, добрым молодцам, во солдатах, Служить Царь Белому, служить верой-правдой** (солдатская песня), **Не майорская честь, В окошечки ночью муть** (шутл. песня), **Ты вольный казак Степан Дорофеевич, Защищай ты свою честь во кровавом бою** (былина). Понятие «честь» в казачьей среде неотделимо от понятий «царская служба», «долг перед Отечеством», что находит свое отражение в активном функционировании в донском (особенно песенном) фольклоре устойчивых словесных комплексов, типа: **во солдаты отдашь, сквозь зеленую пройтись, объявить войну, в барабаны бить, нанести урон** и др.

С реализацией концепта «честь» в фольклорных текстах тесно связана репрезентация таких принципиально важных для казаков качеств, как мужество, храбрость, отчаянная смелость. **Возьму я тебе славный Азов город, Возьму я тебе его белой грудью, И возьму его без свинца - без пороху.**

Вторым по значимости в системе нравственных ценностей у казаков стоит концепт «любовь к Родине». Устойчивые фольклорные формулы, связанные с этим понятием, также представлены в различных жанрах: **Родная земля и в горсти мила** (посл.). **Собралось Войско Донского несметная сила и пошли они биться с ворогом, защищать землю Русскую, своих жен-матерей, малых детушек** (из сказки) и т.д. Статус устойчивых словесных комплексов в фольклорных текстах определяют два свойства - устойчивость и варьированность, взаимодействие которых позволяет фразеологизмам актуализировать два значения - общее контекстуальное и частное буквальное. С одной стороны, фольклорные формулы - это еще свободные сочетания, включающие в свой состав слова, требующие характерного распространения. С другой - регулярность сочетаемости, специфическая ритмизация, рифмовка, особая синтаксическая организация превращают данные сочетания в целостные, воспроизводимые, наполняют их определенным эмоциональным, оценочным смыслом, функционально ограничивают сочетаемость компонентов данных выражений.

Бурмистрович Ю.Я.
(Абакан)

ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ ДИХОТОМИИ «СИНХРОНИЯ - ДИАХРОНИЯ»

Фразеологизм мы понимаем как единицу языка и речи, обладающую не целостной звуковой оболочкой, но целостным, не делимым между частями этой звуковой оболочки значением. В единстве именно этих двух признаков - суть фразеологичности.

Процесс образования так понимаемых фразеологизмов является ономасиоло-

гическим, мыслительно-речевым актом, как и процесс образования слов. Суть его состоит в том, что некоторое идеальное содержание понятийного типа, возникшее и сформированное в сознании отдельного человека на материальной базе либо образуемой в речи синтаксической единицы, либо уже существующей в языке лексической, объективируется, материализуется по одному из вариантов фразеологической модели в новую для этого идеального содержания нецелостную звуковую оболочку, причем не по частям, а сразу целиком.

Понятно, что такой процесс может быть лишь разовым, одноактным, а значит, и синхроническим в принципе, независимо от того, когда образуется фразеологизм - в 20-ом веке или в 10-ом. Но так как это именно процесс - хотя бы и мыслительный, а значит, и сверхбыстрый, - то в синхронии он является не статическим, а динамическим. Другими словами, процесс образования фразеологизмов относится к динамике синхронии. Любой фразеологизм как результат такого процесса рождается единицей индивидуально-авторской.

А далее начинается жизнь, функционирование, история фразеологизма, и эта история может быть любой - от разового, единичного употребления образовавшим его человеком до вхождения его в общенародный язык и многовекового бытования в нём. Как и всякая история, история однажды образованного фразеологизма диахронична. Но это - диахрония жизни, а не образования, не рождения фразеологизма.

Что же касается диахронического взгляда на образование фразеологизмов, то здесь речь может идти не о самой сути фразеологического процесса, ибо она - повторим - в принципе одинакова для любого времени, а о продуктивности тех или иных вариантов фразеологической модели на протяжении письменной истории языка, например, русского языка с начала его существования /14 в./ до наших дней /с возможным разграничением письменных текстов по жанрам/ и о причинах активизации или, наоборот, ухода в пассив различных вариантов фразеологической модели на разных этапах истории языка.

Габрик Е.Ф.
(Челябинск)

ОБРАЗОВАНИЕ ФЕ С ФРАЗООБРАЗУЮЩИМ КОМПОНЕНТОМ-ИМЕНЕМ В ФОРМЕ ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА

Среди ФЕ с фразеобразующим компонентом-именем в форме предложного падежа выделяются 50 продуктивных микромоделей, по которым могут быть образованы потенциальные ФЕ: **в (каком-либо) плане, на (каком-либо) положении, при (каких-либо) интересах** и пр.

Проанализированный материал дает возможность утверждать, что подобных единиц среди исследуемой модели (предлог + согласуемый компонент + существительное в форме предложного падежа) – большинство, а именно: 242 единицы, что составляет 35,2%. Например: **в (каком-либо) смысле** – 17 ФЕ (плохом, гражданском, одинаковом, строгом том, этом и пр.); **в (каком-либо) случае** – 16

единиц (редком, подобном, противном, настоящем, данном, всяком и пр.); **на (каких-либо) началах** – 13 единиц (хоздоговорных, демократических, добровольных, артельных и пр.) и т.п.

Компонент-прилагательное является в этих единицах компонентом, создающим разные индивидуальные значения фразеологизмов. Семантическое ядро прилагательного становится ядерной семьей всей ФЕ. Разнообразие индивидуальных значений ФЕ, имеющих одно и то же фразообразующее существительное и разные согласуемые компоненты, свидетельствует о моделируемости фразеологизмов.

Фразеологизмы подобных моделей вступают в отношения внешней омонимии. За счет микромоделей **в (каком-либо) отношении (-ях)** образовано 5 единиц качественно-обстоятельственного типа семантики и три -призначного.

Мама привыкла к этому быту и не знала иных развлечений, более свойственных ее возрасту и полу, – она была **в этом отношении** («тем») идеальной женой. (С. Аллилуева. Двадцать писем к другу.).

Само предприятие интересно **в инвестиционном отношении** («инвестиционно») хотя бы потому, что составляет порядка 65% от всего количества хлеба на рынок. (Акция, 1995.)

Фразеологизмы исследованной микромоделей **в (каком-либо) отношении(-ях)** качественно-обстоятельственного типа семантики выступают в предложениях как обстоятельства образа действия. Сема «отношения, связи с чем-либо» присутствует в каждом фразеологическом значении. Компоненты-прилагательные и местоимения являются в составе ФЕ структурно и семантически обязательными; именно они формируют индивидуальное значение каждой ФЕ. Согласуемые компоненты создают компонентную микромоделируемость, которая в рамках одной структурной микромоделей ведет к семантической моделируемости.

За счет моделируемых фразеологизмов с семантически и структурно обязательным согласуемым компонентом подобного типа идет активное пополнение фразеологического состава русского языка.

Гашева Л.П.
(Челябинск)

ПОЗИЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Фразеологизмы группы мыслительной деятельности реализуют в предложении вариативные позиции: а) препозиция, б) интерпозиция, в) постпозиция, г) интерпостпозиция. Интерпозиция составляет 42,7% от общего количества употреблений.

Закономерности позиции определяются семантическими особенностями каждой, входящей в данную семантическую группу подгруппы. Индивидуальное значение, многозначность, их характер влияют на позицию ФЕ в предложении.

Подгруппа ФЕ, обозначающих целенаправленную, активную мыслительную деятельность, является самой представленной; она отражает тенденцию к закреплению позиции в предложении/высказывании преимущественно в интерпозиции.

Тенденция к фиксированной синтаксической позиции отражает процесс утраты семантики глагольности фразеологизма и приобретения нового типа категориального значения.

Порядок следования компонентов ФЕ связан с модальной, эмоциональной и коннотативной характеристикой фразеологического значения.

Дистантное расположение компонентов присуще фразеологизмам, не включающим в свою семантическую структуру модальных и оценочных сем.

Позиция фразеологизмов жестко детерминирована стилистической природой ФЕ и стилем употребления.

Георгиева Стефка
(Болгария, София)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ - НАЗВАНИЕМ ПИЩИ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологический корпус любого языка глубоко национален. Он является языковым знаком культуры конкретной страны, конкретного народа. В глубинных связях устойчивых словесных комплексов закодированы сообщения о жизни, истории, культурных контактах и т.п. народов.

Пища - естественная потребность всех живых существ, а фразеологизмы, связанные с пищей, отражают естественные причины различия народов и по-особому отражают быт и народную психологию. Анализ слов, связанных с пищей, как компонентов ФЕ, позволяет выделить две основные функции: культурно-информативную и социально-информативную. В данной группе выявляется национальная символика компонентов, а фразеологические образы являются яркими иллюстрациями традиционных культур.

Больше всего ФЕ в обоих языках зафиксировано со словами: **хлеб** (р.56 - б. 40); **масло** (р. 33 - б. 8); **молоко** (р. 27 - б. 12); **мед** (р. 14 -б. 15). Только в русском языке встречаются фразеологизмы с компонентами: **каша (березовая каша), горох (при царе Горохе; чучело гороховое), калач (тертый калач), кисель (седьмая вода на киселе), крендель (выкидывать кренделя) хрен (до хрена кого, чего), капуста (рубить в капусту /кого/), щи (как кур во щи /попасть/), чай (на чай /приглашать/),** а только в болгарском - **фасул, просо (карам през просото), круши (стигам до под крушата), баница (иска с баница да го молят), попара (вкусвам от попарата на някого)** и др.

В данной тематической группе с опорой на лингвистические факторы выявлено больше 9 структурно-семантических моделей. Они тесно связаны с различными речевыми формулами, которые характеризуются неизменностью общего смысла и неоднократным употреблением в аналогичных ситуациях. Для обоих языков характерны модели (Гл. + С): **подбирать крохи - събирам трошите** (Гл.+ Пр.+С); **гадать на бобах - гледам на боб**; (П + С): **жирный кусок - голям кокал**; (Гл. + С + Пр.+ С): **подливать масла в огонь - наливам масло в огъня**; (Сз.+ С + Пр.+ С): **как мухи на мед - като мухи на мед**; (Пр.+ С) или (Част. + С): **до крошки; ни крошки - до троха**; (Гл.+ Сз.+ П + С): **сияет как масляный блин; продавам**

кото топъл хляб); (Гл. + П + С): питаться сухим хлебом - ям сух хляб; (Гл.+ Сз.+ С + Пр.+ С): растут как грибы после дождя - никнат като гъби след дъжд и т.п. Другие модели встречаются только в одном языке и представлены единичными примерами.

Многолетнее активное взаимодействие двух языков и культур является основной причиной численного превосходства совпадений русских и болгарских фразеологизмов наблюдаемой группы, а образная основа их - это свернутый текст, в котором закодирована культурная информация.

Глотова Е.А.
(Омск)

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА КАК ЭЛЕМЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Под внутренней формой понимается образ, отражающий некоторый фрагмент действительности, типизированную ситуацию, закрепленную в языковом сознании носителя языка, и мотивирующий смысловое содержание фразеологической единицы. При утрате мотивированности фразеологизмом в процессе развития языка внутренняя форма у него сохраняется, но происходит ее «затемнение», забвение, хотя ее всегда (или почти всегда) можно восстановить этимологически, то есть, как указывал Л.И. Ройзензон, она у них есть, но мы о ней ничего не знаем.

Хотя внутренняя форма и не совпадает со значением фразеологизма, думается, что она является элементом значения ФЕ. Так, во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова фразеологизму **БУРИДАНОВ ОСЕЛ** дается определение «крайне нерешительный человек, колеблющийся между двумя равносильными решениями»(1987, с.298). Внутренняя форма фиксирует выражение, приписываемое французскому философу-схоласту XIV века Жану Буридану. Он, якобы в доказательство отсутствия свободы воли, привел в пример осла, который, находясь на одинаковом расстоянии от двух охапок сена, должен был умереть от голода, так как при абсолютной свободе воли он не смог бы решиться предпочесть одну охапку сена другой, то есть показывается крайняя степень проявления отсутствия свободы воли, что и подчеркивается в дефиниции ФЕ «*крайне* нерешительный человек».

Однако часто при составлении словарей этот элемент значения не учитывается. Например, в этом же словаре к фразеологизму **ВЫТЯГИВАТЬСЯ (СТОЯТЬ) В СТРУНКУ** приводится дефиниция «становиться прямо, навытяжку» (1987, с.98). Внутренняя форма фиксирует народное сравнение, которое характеризует либо военных, либо тех, кто своей позой выражает полное подчинение, почтение к званию, чину или возрасту. Существенным при переосмыслении действия является отрицательное отношение русского народа к слепой военной муштре, чиновничеству, подхалимству, поэтому приведенное выше толкование является недостаточным, так как образ указывает на слепое подчинение, чиновничество, подхалимство, добровольное подчинение, что и должно быть отражено в дефини-

ции словаря.

Кроме того, внутренняя форма часто накладывает ограничение на употребление фразеологизмов. Подобное можно сказать о приведенном выше фразеологизме **ВЫТЯГИВАТЬСЯ (СТОЯТЬ) В СТРУНКУ**. Образ слепого подчинения, чиновничества, подхалимства накладывает ограничение на употребление фразеологизма в случае, когда идет речь об уважении, любви.

Внутренняя форма может оказывать влияние на эмоционально-экспрессивное значение фразеологизма, на что указывал в своих работах В.П. Жуков. Р.Н. Попов выделил целый ряд фразеологизмов, этимология которых определяет их стилистическую характеристику.

Следовательно, внутренняя форма ФЕ является элементом значения, поэтому дополнительная информация, содержащаяся во внутренней форме фразеологизма, должна отражаться в дефинициях словарей.

Гнездилова И.Н.
(Курган)

АВТОРСКОЕ КИНО КАК ИСТОЧНИК ФРАЗЕОЛОГИИ

Этимология фразеологизмов из области искусства – индикатор своеобразия художественной жизни. Если уникальная культурологическая ситуация, сложившаяся в России во второй половине 19 столетия - доминирование музыки в «семье» искусств – породило целый пласт «крылатых цитат, связанных с миром романса, оперы, оперетты, то вторая половина 20 века – период господства «техноискусств». Телевидение, кино, видеоарт - наиболее щедрый источник феноменов художественной культуры, «поставляющий» крылатые выражения в русскую лексику. Фразеология отразила такую закономерность развития социума, как визуализация современной культуры. Прерогатива здесь, несомненно, у имеющих всенародную любовь жанра кинокомедии, остросюжетных лент.

Авторское кино в силу самой своей специфики, ориентации на воссоздание субъективной реальности («Единственно обоснованное свидетельство, на которое имеет право человек, - это свидетельство о самом себе», – писал Феллини), единичное, имеет меньший диапазон лексической «востребованности». Но в то же время авторский кинематограф с присущей ему изначально экзистенциальной ориентацией, усилением этико – психологической проблематики, порождает крылатые выражения, богатые оттенками миропереживания, отражающими тончайшие нюансы эволюционного строя личности.

Искусство Ф. Феллини, М. Антониони, И. Бергмана, А. Тарковского вызывает к жизни целый ряд общеупотребительных лексических единиц, оборотов речи, укоренившихся в международном языковом «пространстве». Как правило, в качестве подобных фразеологизмов выступают не реплики персонажей (что является особенностью этимологии фразеологизмов оперного или опереточного «происхождения»), а названия фильмов, отражающие общую идею, нередко ставшие популярными имена героев: Джельсомина, «сладкая жизнь», «а корабль плывет...» (Ф. Феллини), «земляничная поляна», «седьмая печать» (И. Бергман),

«Сталкер» (А. Тарковский), «красная пустыня» (М. Антониони).

Показательно, что эти обороты речи фиксируют саму неуловимую ткань человеческих мироощущений, то «кризисное» сознание, которое характеризует героев авторского кинематографа, переживающих ситуацию отчуждения и «заброшенности в Мир» (М. Хайдеггер).

**Голикова Т.А.,
Драчева С.И.
(Горно-Алтайск)**

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА «ЗЛОЙ ДУХ» В АЛТАЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Одним из центральных фразеологизмов в истории и фольклоре алтайцев служит фразеологизм **злой дух** («јаман кормос»). В русской мифологии злым духом считается бес, черт, дьявол. В алтайской мифологии јаман кормос обозначает душу злого, порочного человека, которая после его смерти идет в огонь, в нижний мир, в царство подземного владыки Эрлика.

В эксперименте принимало участие 30 студентов алтайского отделения филологического факультета Горно-Алтайского государственного университета 17-20 лет. Реципиентам (алтайцам, владеющим русским языком) предлагалось перевести русский фразеологизм **злой дух** на алтайский язык. Были получены следующие результаты:

кара суне 9 (кара - 1. черный, вороной; 2. чернота; 3. злой, гадкий [2,124]; душа - суне [1, 151]); кормос 8 (кормос - дух умершего [3, 168]); јаман суне 3 (јаман - злой, плохой [2, с. 120]; душа - суне [1, 151]); кара санаа 3 (кара - 1. черный, вороной; 2. чернота; 3. злой, гадкий [2, 124]; санаа - сознание, мысль, мнение, ум [2,146]; дух, душа [1, 151]).

Как показал эксперимент, русский фразеологизм **злой дух** переводится по-разному: плохой дух, плохая душа, черный дух, черная душа, черный ум, злой умысел, черное сознание, скверный характер, скверный поступок и под.

Ассоциативно-смысловое поле «плохой» репрезентируется в алтайском языке доминантными лексемами «јаман» и «кара», каждая из которых реализуется в русском языке следующими способами: «јаман» - дурной [1, 150]; безнравственный, испорченный [1, 231]; некрасивый, нечестный, непорядочный [1, 346]; злой, неприятный [1, 353]; слабый [1, 697]; грубый, неучливый [1, 118]; низменный, низкий, подлый [1, 363]; «кара» - дурной [1, 209]; преступный, злой [1, 834]; гадкий низменный низкий, подлый [1, 362].

Таким образом, эксперимент выявил, что доминантными компонентами семантики фразеологизма **злой дух** являются понятия порочность и нематериальность. Сопоставительное изучение русских и алтайских фразеологизмов представляется целесообразным, поскольку они репрезентируют не только отдельные структуры обыденного сознания русских или алтайцев, но и стереотипы межличностного общения.

Голикова Т.А.
(Горно-Алтайск)

СРАВНИТЕЛЬНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АЛТАЙСКО-РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

На филологическом факультете Горно-Алтайского государственного университета было проведено экспериментальное исследование русско-алтайских фразеологизмов.

В эксперименте принимало участие 25 алтайцев-билингвов. Реципиентам было предложено перевести на алтайский язык следующие фразеологизмы и фразеологические сочетания: **камень на душе, камень на сердце, камень на шее, камень преткновения, белый камень, дикий камень, камень на камне не остается, земля пухом, земля уходит из-под ног, как только земля носит, земля горит под ногами, море по колено, река забвения, лес темный, волчья яма, гора горой** и др.

Были получены результаты: **камень на шее** - таш мойында, јитнеге таш, меге уур болот; **камень на сердце** - јурегинедэ таш, јуректе таш, јурегине уур; **гора горой** - кыр кырма, кыр кыдый; **гора на душе** - кутында кыр, јургиле куч, кыр суминде, когусте кыр, кудышда кыр, кыр стенде, уур сансле куч; **море по колену** - тизеге талай, танай тизеи јетире, кол тезеи јетире, танай тезии јетире, **лес темный** - карануй агаш аразы, кара тонош, картул арка; **волчья яма** - борунии орозы; **земля пухом** - јер тукле, јуниа јер, јымшан јер; **земля уходит из-под ног** - јер буталдыннай јуре берди, буттын андынан јер барат; **как только земля носит** - кормостин сунези, канайда јер аппарат.

Анализ результатов показал, что национально-культурный компонент в своем значении несут не только этноспецифические идиомы, но и фразеологизмы, не имеющие этой специфики. Национально-культурный компонент фразеологизма выявляется в процессе перевода на другой язык.

Семантические различия фразеологизмов объясняются спецификой национальной культуры, поскольку культурологический компонент, как показали исследования, включается в структуру концепта, репрезентированного фразеологизмом или фразеологическим сочетанием.

Голованова Е.И.
(Челябинск)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ

Вопрос о месте фразеологических единиц в терминологии довольно сложный. С одной стороны, терминология более чем наполовину состоит из неоднословных единиц, которые можно рассматривать как своеобразные «устойчивые сочетания». Однако лишь небольшая часть этих образований обладает таким свойством фразеологизма, как идиоматичность. Чаще всего термины, состоящие из двух и более элементов, выражают родовидовые отношения (опорное слово такого сочетания соответствует родовому понятию, а зависимый от него элемент

- видовому).

В.В. Виноградов, классифицируя фразеологизмы по степени слитности компонентов, включал в круг рассматриваемых единиц и термины. Хотя данные обозначения и выделялись ученым в особую группу фразеологизмов, по степени слитности он относил их к единствам, некоторые - к сращениям.

Среди терминологов вопрос о системных связях терминов-словосочетаний и фразеологизмов не получил однозначного решения. Одни исследователи исключают термины из состава фразеологии, другие прямо называют часть терминосочетаний фразеологическими. Согласно первой точке зрения, фразеологизм и термин «являются языковыми элементами разного качества», и их следует рассматривать как лингвистические единицы «разных уровней лексической системы» (Е.А. Толикина, 1964). Вторая точка зрения наиболее определенно выражена В.Н. Прохоровой: «...составные термины обладают основными признаками фразеологии и не отличаются от фразеологизмов-нетерминов в принципе. Различие между ними не органическое, а функциональное».

Чаще всего к фразеологизмам относят те несвободные терминосочетания, которые явились результатом стершейся мотивации или внутренней формы, а также результатом метафорической многословной номинации (типа **коробка передач, катушка зажигания, ласточкин хвост, кошачьи лапки**).

Если фразеологизмы существуют в составе современной терминологии, значит, они должны быть обнаружены и в терминологиях исторических. Так, в анализируемой нами терминосистеме горнозаводского производства Урала XVIII-XIX вв. зафиксированы следующие обозначения фразеологического характера: **горный лен, каменная кудель** (асбест), **молотовая зыбка** (часть механизма), **кривое дерево** (брус), **спелая медь** (конечный продукт медеплавильного производства), **ломь в глазу** (о качестве металла). Фразеологизмы распространены и среди глагольных терминосочетаний, ср.: **садить руду в печь, подкормить кучу, бить дудку (шурф)**.

*Горьковская В.Д., Еремина В.В.,
Косович Л.Ф., Филимонова Н.Ю.
(Волгоград)*

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ИНОСТРАНЦАМИ НА ДОВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ

Одним из условий успешного усвоения русского языка иностранцами является знакомство с русской фразеологией. Это положение верно как для основного, так и довузовского (начального этапа образования).

На начальном этапе создаются лексические и грамматические навыки, студенты овладевают речевыми умениями, что в конечном счете ведет к формированию коммуникативной компетентности учащихся. При этом в основе обучения лежит русское слово: студенты овладевают как словарным, так и фразеологическим богатством русского языка.

Прежде всего необходим тщательный отбор фразеологизмов в соответствии

с критериями значимости, частотности употребления и доступности для восприятия. Последнее предполагает учет не только условий речевой подготовки, но и специфики родного языка студента. Так, для носителей европейских языков возможно полное совпадение фразеологических оборотов как по смыслу, так и по форме, потому что существует ряд интернациональных образов и мотивов. В языках, далеких друг от друга (ср. русский и китайский), такие соотношения наблюдаются редко.

В каждом конкретном случае предполагается определенная методика, включающая работу со словарями, которые созданы на кафедре русского языка факультета подготовки иностранных специалистов Волгоградского технического университета.

Работа с фразеологизмами включает также лингвострановедческий комментарий, создание ситуаций-стимулов для использования фразеологических единиц в речи, что, несомненно, обогащает язык студентов.

Григораш А.М.
(Киев)

ИНВЕРСИЯ КАК СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРИЕМ АВТОРСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Инверсия как один из синтаксических приемов авторских преобразований фразеологических единиц - явление малоизученное. Она была отмечена И.М. Абрамовичем на уровне фразеологии, хотя подробно им не описана и не рассмотрена на материале художественных и публицистических произведений.

Порядок слов как в украинском, так и в русском языках как грамматическое средство участвует в оформлении и словосочетаний, и предложений. Поскольку большинство фразеологизмов имеет синтаксическую организацию, внешне напоминающую структуру словосочетаний и предложений, то порядок следования компонентов имеет определенное значение и в их оформлении. Он может придавать соответствующий стилистический оттенок контексту, выявлять те или иные акценты семантического плана, усиливать смысловую нагрузку компонентов устойчивых сочетаний, а также переводить высказывание из нейтрального плана в план экспрессивно-эмоциональный. Некоторые фразеологи считают устойчивость порядка слов одним из основных, релевантных признаков фразеологизма, который отличает его от свободного сочетания слов. Это соответствует действительности, если исследователи рассматривают фразеологическую единицу как факт языка. В речи же это условие для многих устойчивых сочетаний не является строго обязательным.

Как отмечает И.В. Дубинский, порядок слов в устойчивых сочетаниях и обусловленность его вариантов должен рассматриваться вне специфики фразеологии как частный случай проявления общих норм словорасположения в языке. Действительно, грамматическая структура - явление не первичное, а вторичное, она не создает фразеологизм, а лишь поддерживает его.

Порядок следования компонентов фразеологизма зависит от многих причин:

от того, что именно в высказывании (в контексте) является новым, от экспрессивности сообщения, ритмо-мелодического рисунка фразы (предложения) и других факторов.

Большинство проанализированных примеров, связанных с инверсией устойчивых сочетаний, подтверждает мысль, высказанную Г.М. Удовиченко, о том, что не любая инверсия создает дополнительную экспрессию, что такие фразеологические единицы, как **дивитися смерті в вічі** и **дивитися в вічі смерті** можно считать равноценными в выразительном отношении. Такие фразеологизмы рассматриваются исследователем как позиционные варианты.

Гурбиш Ежи
(Польша, Гданьск)

ФРАЗЕОЛОГИЯ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА

На исходе второго тысячелетия активно формируется новый деловой язык Европы. Происходит необратимый процесс интеграции всех европейских стран, приметой времени становится новый качественный уровень отношений между ними. Это уровень делового общения, уровень экономической интеграции, уровень сотрудничества в сфере торговли, в бизнесе и коммерции. Европейские стандарты должны быть общими для всех. Россия, Польша, Болгария, Германия, Франция, другие европейские страны включаются в сферу международных экономических отношений как полноправные партнеры. Отсюда вытекает необходимость создания многоязычных переводческих словарей-справочников, которые включают лексическую и фразеологическую терминологию. Уже изданные словари содержат достаточно богатую лексическую терминологию различных профессий в сфере бизнеса: авизо, акционер, домициль, корпорация, лицензия, протекционизм, ущерб, штраф, карго, льготы, приватизация, эмбарго, ярмарка и мн. др.

Современный этап развития деловой лексикографии потребовал введения в словари фразеологии делового языка, ср.: **малый бизнес, чистый доход, фискальная пошлина, скользящая цена, специальная цена, рынок ценных бумаг, пролонгация долга, расчетные цены, золотая оговорка, индекс цен, интеллектуальная собственность, долговое обязательство, двойной курс** и т.д.

Фразеология делового языка имеет ярко выраженный системный характер: она серийно образуется: **банковский счет, банковский акцент, банковский кредит; закон спроса и предложения, закон денежного обращения; капитал выпущенный, капитал номинальный, капитал оборотный, капитал основной, капитал ссудный, капитал уставный** и т.п.

Идеальным выполнением социального заказа, идущего от современного процесса интеграции стран в европейские структуры, могло бы быть составление многоязычного словаря-справочника, включающего в себя наиболее употребительную лексическую и фразеологическую терминологию бизнеса и коммерции.

Дубова М.Е.
(Кострома)

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Семантика фразеологических единиц складывается в результате взаимодействия значений составляющих ФЕ слов, переосмысления всего сочетания и предполагает наличие определенного коннотативного компонента, который является ведущим. Своеобразие значения фразеологизмов особенно четко прослеживается при сопоставлении значения ФЕ со значением соотносительных слов.

И слову, и фразеологизму свойственны три основных типа значений: свободное, фразеологически связанное и синтаксически обусловленное.

В семантике слов и ФЕ обнаруживаются дифференциальные признаки, свойственные только словам или ФЕ. Фразеологическое значение отличается от лексического значения слова своеобразием отражения предметов, явлений, свойств окружающей действительности, особенностями мотивировки и целостности значения.

Фразеологическая единица, подобно слову, служит средством передачи информации, средством обозначения предметов и явлений реальной действительности. Однако значение фразеологизма - «явление более сложное, чем лексическое значение слова. Значение фразеологизма - это результат абстракции, отвлеченности от прямых и номинативных значений определенных лексических единиц, в основе значения фразеологизма лежат ассоциативные трансформы» (Городникова М.Д.). При этом целостное значение фразеологических единиц образуется на основе образности метафорического переосмысления входящих в состав ФЕ слов - компонентов. Специфичность значения фразеологизмов заключается в том, что отдельные слова, объединяясь в составе фразеологизма, образуют новое семантическое целое.

Мотивировка значения фразеологизмов существенно отличается от мотивировки значения слов. Выделяются следующие виды мотивации: фонетико-морфологическая; мотивация внутренней формой; морфологическая, основывающаяся на аналогии в морфологической структуре слов; мотивация семантическим полем, благодаря которой значение фразеологизма осознается в соотношении со значением других единиц языка.

Железова Е.Ю.
(Челябинск)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ

Вторая половина 20 века характеризуется активным изучением газетного языка. Анализу подвергнуты язык и стиль русских газет, начиная от «Ведомостей петровского времени» до современных центральных, региональных, областных и районных газет. Без этих исследовательских материалов невозможно выявить закономерности языка в целом, определить его нормы для публицистического стиля.

Фразеологизм на газетной полосе не редкий гость. Кроме обычных для публицистического стиля и довольно «канцеляризованных» перифраз

(**иметь значение, играть роль, уделять внимание, одержать победу**), встречаются и так называемые образные фразеологизмы: **без сучка и задоринки, искать крышу, плечом к плечу, один отдельно взятый (район), семь пятниц на неделе, за семь верст киселя хлебать** и т. п.

Часто фразеологизм становится газетным заголовком: «**А король-то голый**», «**Беда не приходит одна**», «**Игра в кошки-мышки**», «**Царевна Несмеяна**», «**Лучше семь раз услышать...**», «**За тридевять земель**». Фразеологизм – выразительное, сильно действующее средство языка. Иногда для усиления экспрессии, для обновления его видоизменяют: заменяют один из компонентов, сокращают или удлиняют структуру фразеологизма, добавляют морфемы к отдельным компонентам.

Не всегда авторское вмешательство во фразеологизм можно квалифицировать как удачное, ср.: «**Беда не приходит**», «**Без сучка, но с задоринкой**», «**Выпивоха ищет крышу**», «**Своим глазом**», «**И все же за журавлем**».

Авторское вмешательство во фразеологизм в заголовке может быть поддержано текстом заметки. Так, в материале «**Без сучка, но с задоринкой**» в конце повествования построена фраза: «Вот и получается, что доехать можно без сучков, но после задоринки с работниками автовокзала». Неприемлемы не только форма множественного числа у компонента *сучок* и видоизмененная сочинительная структура (преобразование соединительных отношений в противительные), но и слишком вольное, антиисторичное толкование смысловой структуры компонента «задоринка».

Жуков А.В.
(Новгород)

О ЯВЛЕНИИ ДЕФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Под *дефразеологизацией* условимся понимать процесс восстановления в отдельных компонентах фразеологизму их вторичных лексико-семантических свойств. Так, например, в составе субстантивного оборота **детский лепет** (Наивные, убогие, поверхностные суждения, мысли и т. п.) первый компонент лексически маркирован на фоне переносного значения прилагательного *детский*. Совершенно очевидно, что в составе базового свободного словосочетания это прилагательное употребляется в прямом значении. Следовательно, такого рода семантическая «перекличка» компонента фразеологизма и одноименного слова в данном случае носит не первичный, генетический, а вторичный, системоприобретенный характер. В связи с ним явление дефразеологизации следует отличать от случаев первичной лексической маркированности компонентов типа *месить грязь, первая ласточка* и под. В последних случаях исходные, прямые значения отдельных компонентов привносятся в семантику фразеологизма уже в момент образования.

В некотором смысле дефразеологизация является процессом, обратным фразеологизации. Если в результате фразеологизации слова в составе исходного

словосочетания семантически и функционально преобразуются, становясь компонентами фразеологизма, то дефразеологизация в той или иной мере предполагает **как** бы возврат компонента в его прежнее качество - в слово, как правило, с новым, производным от фразеологизма значением.

Явление дефразеологизации носит закономерный, системно обусловленный характер, отражает активные синтетические и аналитические тенденции в единой лексико-фразеологической системе языка, дефразеологизация (как, впрочем, и ее антипод - фразеологизация) является следствием глубокого и органичного взаимодействия единиц качественно различной языковой природы - слов и фразеологизмов, лексического и фразеологического значений.

Дефразеологизация преимущественно связана с явлениями и процессами вторичной (системоприобренной) переходности фразеологических единиц. Она представляет собой процесс (или результат) семантико-функционального пересечения и взаимодействия лексики и фразеологии в единой системе языка. В целом характер и мера вторичной «лексической связанности» фразеологизмов зависит от глубины проникновения приобретенной лексической и категориальной семантики в предметно-понятийное и грамматическое содержание фразеологизма. Как одно из проявлений единого феномена фразеологической переходности дефразеологизация существует в основных, наиболее типичных переходных формах (как гибридность, синкретизм, вариантность и потенциальность).

Явление дефразеологизации, взятое в аспекте формообразования ФЕ и фразообразования, ведет к структурно-семантическим преобразованиям оборотов. Вместе с тем дефразеологизация может быть изучена как особый способ отфразеологического словообразования. Несмотря на свою деструктивную направленность, дефразеологизация, как правило, лишь расшатывает структурную и семантическую целостность и стабильность фразеологизма, но не сводит ее на нет. Концепции, освещающие явления дефразеологизации исключительно в духе фразеологических «катастроф», уже в силу своей односторонности недостаточно продуктивны: с нашей точки зрения, они упрощают проблему, усматривая в дефразеологизации только разрушающее начало.

Золотых Л.Г.
(Волгоград)

СООТНОШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Изучение ФЕ как особых косвенно-номинативных средств коммуникации связано с одной из актуальных проблем современной лингвистики – исследованием семантики языковых единиц в их речевом функционировании.

Унаследованная лингвистикой от В. Гумбольдта весьма важная, на наш взгляд, идея «языкового мировоззрения» плодотворна именно для осознания более глубоких основ коммуникации. Понимание людьми друг друга происходит «потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий,... «благодаря чему у каждого

вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» (Гумбольдт В., 1984).

В следующих речевых ситуациях смыслогенерирующими источниками служат сами участники коммуникативного акта: 1) «- А то приучили их **жар-то чужими руками загребать**... - Кого их? – Ну, к примеру, этого главного лодыря Аникушку Елизарова» (А. Иванов). 2) «- Как это вы сюда попали?.. – Хочу ответить, как деньги из банка берут. – Что же вы мне не писали раньше? Я устроил бы все вперед. – Спасибо, сынок... Не привык я **чужими руками жар загребать**» (Д.Н. Мамин-Сибиряк).

ФЕ **жар чужими руками загребать**, имея словарную дефиницию: «пользоваться результатами чужого труда», - в первом примере имеет смысл: «бездельничать, лодырничать», а во втором – дает ситуативную характеристику человеку, не доверяющему свои финансовые дела другим.

Закладывая основы когнитивной семантики, В. Гумбольдт не только впервые решает проблему взаимоотношения языка и мышления и ставит эту проблему на научную основу, но и ориентирует на разграничение таких категорий семантики, как *с о д е р ж а н и е* («воплощение развития мысли»), *з н а ч е н и е* («духовное своеобразие науки»), *с м ы с л* («неповторимая исключительность»).

Историко-семасиологическая концепция внутренней формы языковых единиц, впервые предложенная А.А. Потебней, подводила к разграничению языковых и внеязыковых значений. Первые он называет «ближайшими», а вторые – «дальнейшими» значениями (Потебня А.А., 1958).

«Ближайшее значение» соотносится с общей для всего языкового коллектива стороной содержания знака, которая обеспечивает взаимопонимание говорящего в процессе их речевого общения. «Дальнейшее» значение «у каждого различное по качеству и количеству элементов, - лично» (Потебня А.А., 1958). В процессе функционирования в семантике языковых единиц тесно переплетаются системно-языковые и речевые значения, или значение и смысл.

На проблему соотношения значения и смысла В.В. Виноградов указывал путем определения понятия «употребление». Это, по В.В. Виноградову, «новое применение одного из значений слова в индивидуальном, не вполне обычном фразеологическом окружении, своеобразной ситуации, с новой образной направленностью» (1977).

Таким образом, предпосылки выделения категорий «значение» и «смысл» закладываются уже основоположниками семантики как науки, хотя их сложные взаимоотношения еще надолго останутся белым пятном и в отечественной и в зарубежной семасиологии. Особенно явно эта проблема обострилась на фоне новой зарождающейся коммуникативно-прагматической лингвистики.

О СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МОЛОДЕЖНОМ ЖАРГОНЕ Г. ОРЕНБУРГА

Речь молодежи как одна из разновидностей социальных диалектов привлекает внимание многих исследователей. В их работах рассматриваются различные аспекты молодежной речи; часто отмечаются такие специфические черты, как высокая степень экспрессивности, намеренная грубоватость, стилистическая сниженность, максимализм в оценках и суждениях, ироничность, «игра словом» и др.

Значительная часть исследований посвящена лексическому составу жаргона.

Цель нашего сообщения – характеристика фразеологических единиц в речи молодежи г. Оренбурга с семантической точки зрения (фактический материал в объеме около 1000 контекстов был собран в течение 90-х годов с помощью студентов филологического факультета Оренбургского Государственного педагогического университета и путем собственных непосредственных наблюдений за спонтанной разговорной речью; для анализа брались лишь те ФЕ, которые встретились несколько раз).

Анализ ФЕ показал, что основная их часть обозначает действия: **быть в пролете, быть на солидоле, выехать на козе, гладить шнуры, приколоться по хавчику и др.**

Следует отметить, что среди глагольных ФЕ есть много синонимичных; как правило, они обозначают какие-то существенные стороны жизни молодежи.

Также значительную по объему группу формируют ФЕ, включающие номинацию какого-либо предмета, лица, явления, ситуации, события, сравним: **асфальтовая болезнь, моя икебана, суп «Волга-Волга», цветок асфальта.**

Немало в наших материалах ФЕ, которые характеризуют внешний облик людей и их качества, например: **гвоздь беременный, шкаф с антресолюю, из делов сшитый.**

Группа ФЕ, называющих одежду, обувь, прическу и подобное, немногочисленна.

Небольшими по объему группами являются следующие: 1) со значением «признак действия»: **базар-вокзал, в темпе вальса, глухой номер** и др.; 2) со значением оценки состояния; 3) обозначающие чувство» и др.

Основная часть ФЕ относится к распространенным понятиям молодежи разных районов России. Однако в Оренбурге, как и в других районах, функционируют ФЕ, которые отражают местные реалии: **желтый дом Цвиллинга; пойти на биржу им. Ленина; перекинуть косточки по Пушкин-стрит; черный поезд.**

Анализ собранных ФЕ свидетельствует о том, что фразеологический пласт в речи молодежи хотя и существенно меньше, чем лексический, но все же достаточен для того, чтобы говорить о необходимости его специального, автономного исследования.

УДАРЕНИЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ (С ПРЕДЛОГОМ «НА»)

Как известно, восточнославянской акцентологической системе свойственен перенос ударения с существительного на предлог. В XIX-XX вв. количество существительных, способных «отдавать» ударение, становится меньше и перенос ударения на предлог не является обязательным.

Вопрос о переходе ударения на предлоги в компонентах фразеологизмов специально не исследовался лингвистами, есть только замечания о том, что в устойчивых выражениях перенос ударения на компонент-предлог более распространён, чем в свободных предложно-именных формах.

Цель данного исследования — описать состояние акцентной нормы во фразеологизмах с предложно-именными компонентами (с предлогом «на»).

Фразеологизмов с компонентом-предлогом «на» — 890. Структура единиц с данным компонентом-предлогом разнообразна: словосочетание модели глагол + на + сущ. вин. п. или пр. п. типа **дышать на ладан, играть на руку, играть на нервах, гадать на бобах**; сочетание модели на + сущ. вин. п. или пр. п. типа **на благо, на дух, на волоске, на мази**; генетические предложения: простые — **зуб на зуб не попадает, медведь на ухо наступил**; придаточные — **как баран на новые ворота, как бог на душу положит**; сочетания с компонентом-отрицательной частицей «не» типа **не на пожар, не на уровне** или с компонентом-усилительной частицей «ни» типа **ни на волос, ни на каплю**; тавтологические ФЕ типа **с боку на бок, с глазу на глаз**; сравнительные обороты: **как на духу, как на смех**; сочетания модели прилагательное + на + сущ. вин. п.: **легкий на руку, тугой на ухо, на руку не чист**.

Из 890 ФЕ только 42 допускают перенос ударения на компонент-предлог. Это 9 трехкомпонентных ФЕ модели словосочетание с процессуальной семантикой: **наступать/наступить на ногу, ложиться/лечь на душу, поднимать/поднять на ноги, поднимать/поднять на смех, ставить/поставить на ноги, вставать/встать на ноги, верить/поверить на слово, лезть на стену, садиться/сесть на голову**; 8 двухкомпонентных ФЕ модели сочетания слов с обстоятельственной семантикой: **на смерть, на дом, на дух, на сторону, на сердце, на душу, на волос, на ухо**; 6 трехкомпонентных ФЕ предикативной семантики модели сочетания с главным словом прилагательным: **крепкий на ухо, легкий на руку, легкий на ногу, нечист на руку, тяжелый на руку, тугой на ухо**; 5 тавтологических ФЕ обстоятельственной семантики: **с боку на бок, с глазу на глаз, с ноги на ногу, с руки на руку**; 8 ФЕ обстоятельственной и процессуальной семантики, генетически представляющих собой простые предложения, полные, неполные, придаточные: **зуб на зуб не попадает, медведь на ухо наступил, положить охулки на руку, поворачивать с ног на голову, взять вину на душу, вешать лапшу на уши, как бог на душу положит, как снег на голову**. ФЕ нетипичных структурных моделей с переносом ударения на компонент-предлог единичны: **курам на смех, не на живот, а смерть, на ночь глядя ложа руку на сердце, ни на волос**. Не обнаружен перенос ударения в струк-

турных моделях, где между предлогом и существительным стоит прилагательное или местоимение, типа **мерить на свой аршин, жить на чужих хлебах**; в сочетаниях с отрицательной частицей «не».

Анализ компонентного состава ФЕ показывает, что «отпускает» ударение ограниченное число компонентов-существительных: слова, обозначающие части тела человека (рука, нога, голова, ухо, зуб, бок, глаз, волос); слова, обозначающие пространственные и временные названия из окружения человека (дом, сторона, стена, день, ночь); слова, связанные с состоянием человека (дух, душа, смех, смерть).

Поэтические тексты подтверждают использование ФЕ с ударением на компонентах-предлогах. Два фразеологизма **как на смех и положи руку на сердце** обнаруживают акцентную вариантность.

Исследование 890 ФЕ с предложно-именными компонентами в поэтических текстах дает основание для определения акцентной нормы во фразеологизмах анализируемой структуры.

Казачук И.Г.
(Челябинск)

ВАРИАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В системе управления процессуальных единиц - глаголов и фразеологизмов - выделяются вариативные связи. Под вариативным управлением понимается способность единицы подчинять себе разные падежные формы с одним и тем же значением.

Специфика вариативного управления фразеологизмов связана с раздельно-формленностью этих единиц. Глаголы и имена, образующие фразеологизмы, в свободном употреблении обладают собственным управлением. Формирование управления фразеологической единицы происходит на базе синтаксических свойств составляющих ее компонентов. Поэтому в большей мере вариативность управляемых форм объясняется тем, что синтаксические связи глагольного и именного компонентов сохраняются и конкурируют друг с другом. Например, **бросить в лицо кого (чье) и кому что; бросить кому что в лицо кого (чье)**.

Вариативное управление процессуальных фразеологизмов представлено двумя разновидностями:

- 1) варьируются формы разных падежей;
- 2) варьируются беспредложная и предложная формы одного падежа.

В варьировании форм разных падежей центральное место занимает мена родительного и дательного беспредложных падежей: **вбивать в голову кого и кому что; сесть на шею кого и кому; перемывать косточки кого и кому**. Употребление объекта в форме родительного падежа определяется требованием именного компонента, по форме это родительный определительный, а по значению объектный: **бередить души хуторян** - “волновать, беспокоить, тревожить хуторян”. Дательный падеж и по форме и по значению является объектным. По употребительности

ти первая форма уступает второй; движение в парах осуществляется от родительного к дательному, от противоречия между формой и значением - к их соответствию.

Как и глаголам, процессуальным фразеологизмам при отрицании свойственно управление родительным и винительным беспредложными падежами со: **не сбрасывать со счетов кого, чего и кого, что: не ставить на карту чего и что**. Менее продуктивна мена других падежных форм: **бить по карману кого** (чьему) и **кого; бить по рукам кому и кого, расставить сети кому и на кого** и под.

В варьировании беспредложных и предложных форм одного падежа наиболее продуктивна мена родительного беспредложного и родительного с предлогом **у**: **вызвать интерес кого и у кого** и др., дательного беспредложного и дательного с предлогами **к** и **по**: **дать импульс чему и к чему, дать повод чему и к чему, нанести удар чему и по чему**. Наблюдается тенденция к уменьшению количества употреблений предложных форм, так как никакой новой информации - ни семантической, ни грамматической - предлог не несет и становится избыточным средством выражения значения.

Кайгородова И.Н.
(Астрахань)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИДИОМАТИКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Под понятие «синтаксическая идиоматика» мы подводим все предикативные образования, в семантической структуре которых имеются вербально не выраженные компоненты, не соответствующие формально-грамматической организации предложения. Синтаксическая идиома - предикативное образование, в котором, по крайней мере, один из трех компонентов интенционала его семантической структуры (предикативный, модальный или коммуникативный) настолько переосмыслен, преобразован или редуцирован, что обобщенно-целостное (фразеологическое) значение оказывается невыводимым из лексико-грамматической структуры его плана выражения.

Формирование идиоматичности в семантической структуре предложения - процесс динамический, т.к. осуществляется он только в речевом акте, где в результате нарушения узальной смысловой дистрибуции происходит реализация асистемных значений и функций синтаксических идиом. Семантические изменения на уровне лексем сопровождаются изменениями в синтаксической семантике, ее синтаксической идиоматизацией.

Семантическая структура исходных (фразеологизирующихся) предложений и синтаксических идиом непосредственно связана с отражением денотативной ситуации, т.е. с номинативностью. Номинативность синтаксических идиом, в отличие от номинативности исходных предложений, состоит не в выделении и обозначении постоянно воспроизводимых типовых ситуаций, а в познании и выделении отдельных элементов действительности. Если во фразеологизирующем-

ся предложении категорией предикативности выражается прямая связь между субъектно-предикатной структурой и структурой мысли в форме суждения, то в процессе синтаксической идиоматизации семантической структуры предложения предикативность нейтрализуется, т.к. произошло переосмысление денотата (от денотативно-расчлененной ситуации к вторичной денотативно-целостной ситуации) и за внешней материальной оболочкой предложения закрепляется мыслительное содержание в форме **п р е д с т а в л е н и я** как когнитивной форме мышления.

Предикативность свободносинтаксического генотипа превращается в элемент представления (понятия), служащего когнитивным субстратом фразеологического значения синтаксической идиомы, например, путем метафоризации. Ср.: 1) В детском парке **закрутилась карусель** (из разговора) и 2) А во втором тайме сразу же **закрутилась карусель** атак земляков. И голы посыпались как из «рога изобилия» (Горожанин, 7.11.97). Первая предикативная единица выражает логическую структуру «субъект действия - действие». Второе предложение является примером того, как в процессе метафоризации, являющейся одним из возможных этапов фразеологизации, расширяется и обогащается значение фразеомобразующей предикативной основы. В результате метафорического взаимодействия компонентов предикативной основы они интегрируют общие семы «непрерывность», «стремительность». Не отмеченные ни в одном толковом словаре как семы понятийного ядра лексических значений лексем *закрутиться*, *карусель*, но входящие в их импликационалы, они интегрируются, утрачивая дифференциальные семы. Общие семы способствовали преобразованию свободной синтаксической конструкции в синтаксическую идиому **закрутилась карусель** чего, у кого, где – «о начале стремительного, непрерывного действия». Семантические изменения на уровне лексем сопровождаются изменениями в синтаксической семантике.

Клещева И.В.
(Курган)

ЖАРГОННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КОНЦА XX ВЕКА

Анализ семантических связей фразеологизмов молодежного жаргона подтверждает, что они отражают все процессы и закономерности развития языка.

В нашей картотеке насчитывается 150 фразеологических единиц, которые собраны путем опроса и анкетирования студентов разных факультетов КГУ 1994-1999 годов.

Эти фразеологизмы соотносятся с разными семантико-грамматическими классами и имеют разное синтаксическое строение:

- 1) фразеологизмы, равные предложения (стрелка забита);
- 2) фразеологизмы, равные подчинительному словосочетанию (пургу снести);
- 3) фразеологизмы, равные сочинительному сочетанию слов (ни в борщ, ни в Красную армию);
- 4) фразеологизмы, равные сочетанию слов (не в кайф).

Тип категориального значения у одного класса фразеологизмов, соотносимо-

го с той или иной частью речи одинаков. Предметные фразеологизмы обозначают предмет в широком значении этого слова (лажа буторная, без бэ, невезуха по жизни, что-то с чем-то, воротилы телег, шкаф навороченный, лапа шерстяная, лох корявый, забитый шланг и т. д.).

Процессуальный фразеологизм обозначают любые действия, состояния, изменения, как процесс (нюхать потники взятг, курить бамбук, курить камыш, задвигать по понятиям, пургу мести и т. д.). Призначные фразеологизмы способны обозначать признак, свойство предмета, признак, состояние лица (ни лысый, ни волосатый, конь педальный и др.).

По своей семантике призначные фразеологизмы тесно контактируют с качественно-обстоятельственными, где объединяются единицы, являющиеся обозначением признака или обстоятельства, или степени проявления действия и признака предмета (не в кайф, как все запущенно, по пять, отвал башки и др.).

К сожалению, количественных и служебных фразеологизмов нет в нашей картотеке, но это вряд ли обозначает, что в жаргоне последних лет они не употребляются. Модальные фразеологизмы служат средством выражения разнообразнейших эмоциональных и рациональных отношений говорящего к высказанной мысли (хай-май, вот так морозец, ни фа себе и др.).

Принимая во внимание свойство индивидуального фразеологического значения и семантическую соотнесенность фразеологизмов с категориальным значением класса слов, придерживаемся следующего определения фразеологических синонимов: фразеологические синонимы – это два или несколько фразеологизмов, обозначающих одно понятие, принадлежащих к одному классу, одной субкатегории и группе и отличающихся друг от друга семантически или стилистически. Следует учитывать, что фразеологизмы студенческого жаргона, вступающие друг с другом в синонимические отношения, – это лишь часть общего синонимического ряда с доминантой, выраженной стилистически нейтральным словом, то есть фразеологические синонимы продолжают ряд лексических синонимов. Члены одного синонимического ряда имеют одинаковую синтаксическую сочетаемость. Синонимические ряды молодежного жаргона чаще всего состоят из единиц разных синтаксических моделей, то есть являются разноструктурными.

Примером может служить фрагмент синонимического ряда, состоящий из жаргонных фразеологизмов с общей доминантой «устал»: крыша едет, крыша в пути, люк сорвало, в холодильнике родиться (ночевать), гуси улетают, хардиск полетел и др.

Фрагмент синонимического ряда с общей доминантой «обмануться»: конкретно обложиться, прокатить как молодых, показать себя дятлом, пролететь как стая рашпилей, пролететь как фанера над Парижем и др. Еще один фрагмент с общей доминантой «занят»: не стегай, катай вазу, лапти мой, нюхай потники взятг, мне в лом (в ломы), по понятиям не кати, пылесось пустыню хоботом, курить бамбук (камыш), пасти ежиков, грести ушами в камыши и др.

Эти синонимические ряды сочетаются с процессуальными единицами – с глаголами и фразеологизмами, что соответствует характеру выражаемых этими видами синонимами понятий.

Фразеологические синонимы, состоящие из фразеологических единиц молодежного жаргона с общей доминантой «хорошо»: по кайфу; по приколу; по резь-

бе; от винта; Вася, не корябайся; прет, как судака по Енисею; несет лицом по насту; моща прет; отвал башки; я ташусь; все торчком; выходи строиться и др.

Противоположные синонимические ряды выражают понятие «плохо»: не в кайф; пришли кранты; как все запущенно; не по-детски и др.

Фразеологические синонимы с общей доминантой «качественно»: это вам не фигушки воробьям показывать; это тебе не хуки-хулки, а шапка сомбреро; здесь фуфло не капает и др.

Эти синонимические ряды соотносятся с качественно-обстоятельственными единицами-наречиями, что соответствует характеру выражаемых этими рядами синонимов понятий.

Среди фразеологических единиц студенческого жаргона синонимические отношения широко распространены. Следует отметить, что среди жаргонных фразеологизмов можно наблюдать явление энантиосемии, когда один и тот же фразеологизм употребляется при обозначении понятий, противоположных по значению. Чаще всего эти фразеологизмы соотносятся с модальными фразеологическими единицами-междометиями, которые выражают разные чувства, эмоции человека в зависимости от интонации: хай-май («прекрасно» и «отвратительно»); вот так морозец («одобрение» и «порицание»); совсем стрем («восторг» и «негодование»); это чума («ликование» и «возмущение») и др.

Кобелева И.А.
(Сыктывкар)

РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ В СЛОВАРНОЙ РАЗРАБОТКЕ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Диалектный словарь - существенный источник сведений по этнографии. При составлении словарных статей диалектных фразеологизмов во многих случаях важно учитывать возможность и необходимость не только лингвистического, но и энциклопедического толкования фразеологической единицы. Особенно это касается так называемых обрядовых фразеологизмов, указывающих на ритуальный характер обозначаемой реалии.

В современных диалектных словарях, однако, можно встретить такое отражение фразеологических единиц, которое противоречит историческому материалу и не учитывает конкретных этнографических знаний в каких-либо сферах народной жизни. Так, например, в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» находим фразеологизм **богу на бороду** - он подается в словарной статье лексемы *борода* под специальным значком при значении «огрех при косьбе или жатве» отдельно не истолковывается, ср.: > Б о г у н а б о р о д у. Ну, Иван, опять **богу на бороду** оставил.

Если обратиться к историческим данным, то можно обнаружить, что происхождение названного фразеологизма связано с обрядовыми действиями русских крестьян, когда после завершения жатвы на поле специально оставляют клочок несжатой ржи, нескошенной травы и т.п., чтобы в следующем году бог дал хороший урожай. Подобное утверждение поддерживается фактическим материалом

«Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, ср.: **Завить боро-ду** или **борода завить** - «окончить полевые работы, страду, жнитво: последний сноп не сжинается, а вяжется на корню и убирается цветами»; «Фразеологического словаря русских говоров Сибири», ср.: **Миколина борода** - «маленький сус-лончик снопов, поставленный в углу сжатой полосы в знак завершения жатвы, обложенный клочками соломы. Этнографические сведения подобного рода нахо-дим в диалектной фразеологии Нижегородской области, ср.: **Оставить Христу на бородку** - «крестьянский обряд, который состоял в том, что при завершении жат-вы, сенокоса на полосе оставляли клочок несжатой ржи, овса, ячменя, нескошен-ной травы»; в русской диалектной фразеологии Республики Коми, ср.: *После-дние колоски ржи не сжинали, говорили, оставь Илье на бороду, это только у ржи* (с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми - из картотеки автора).

Из приведенных примеров следует, что толкование фразеологизма **богу на бороду** в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» могло бы содержать указание на обряд, поверье или примету, на основе которой он возник, тем самым прояснить его затемненную внутреннюю форму, сделать понятным его происхождение и, таким образом, исполнить роль посредника между культурой, описываемой диалектным словарем, и культурой, к которой принадлежат составители этого словаря.

Ковалёва Н.А.
(Астрахань)

МАТРИЧНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ АВТОРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Характерной особенностью творчества А.П. Чехова является образование матричных, серийных ФЕ, которые базируются на определённой модели, но за-полняются лексически каждый раз иначе. Иными словами, создаются авторские фразеологические серии, члены которых в восприятии читателя сталкиваются друг с другом, создавая эффект коррелятивности. Возникает обыгрывание фра-зеологического образа на основе системно обоснованных взаимодействий кор-релятивов.

В составе матричного образования окказионализмов выделяются два подти-па: 1) на основе языковой модели; 2) на основе индивидуальной модели.

1) Матричность на основе языковой модели.

«Хозяйка твоя смыслит в хозяйстве столько же, **сколько я в добывании гага-чьего пуха** – уж по одному этому будь осторожен в пище и ешь разборчиво» (Ал.П. Чехову, между 15 и 28 октября 1883); «За отсутствием редактора-издате-ля Лаврова аудиенцию мне давал великий визирь «Русской мысли» Гольцев – человек милый и хороший, но понимающий в литературе столько же, **сколько пёс в редьке**» (А.Н. Маслову (Бежецкому), 29 марта 1888); «В литературных делах она так же мало смыслит, **как испанец в русских мужиках**» (А.С. Сувори-ну, 26 ноября 1891).

Ср. языковую ФЕ разбирается (смыслит, понимает) **как свинья в апельсинах**

'ничуть, совершенно не понимает (разбирается, смыслит)'. Обладающие тем же глубинным смыслом (Magnus-), авторские единицы вносят в текст портретность (за счёт плана выражения), обладают «семантической дерзостью» и авторским способом восприятия мира. Притом если узуальная единица обладает уничижительно-негативной окраской, то окказиональные, сохраняя общую негацию, вносят в аргументацию свойств субъекта/объекта речи насмешливо-юмористические оттенки.

2) Собственно авторская матричность имеет в основе своего образования индивидуальные модели, не являющиеся устойчивыми организациями в социуме. Писатель избирает определённую свободную структуру, которая выступает в качестве мотивирующей основы. В этом случае внимание адресата концентрируется на языковой метаморфозе, представляющей способ восприятия мира.

Авторское матричное образование роднит с фразеологизмом языкового типа следующие черты: 1) слияние в нём образа и смысла; 2) контраст с обыденным толкованием слов; 3) семантический сдвиг; 4) актуализация синтагматических связей с текстом, что придаёт образованию коммуникативную функциональность; 5) обязательность мотивации, базирующейся на свободной синтаксической конструкции.

«Сижу в осеннем пальто, стараюсь родить субботник, но вместо этого только **дую в воду**» (Ал.П. Чехову, 20 мая 1887); «Меня величает он поэтом, мои рассказы новеллами, моих героев неудачниками, значит, **дует в рутину**» (А.С. Суворину, 20 мая 1888); «Но, душа моя, играют Соловцов и Рыбчинская не артистически, без оттенков, **дут в одну ноту**, трусят и проч.» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 2 ноября 1888).

Ср. ССС дуть в спину и индивидуальные образования матричного типа: **дуть в воду** 'делать что-либо шаблонно-бесполезное'; **дуть в рутину** 'шаблонно думать, оценивать кого-либо'; **дуть в одну ноту** 'шаблонно исполнять что-либо'.

Комарова З.И.
(Екатеринбург)

ВЕРБЛЮД РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ГРАНИЦАХ ФРАЗЕОЛОГИИ

Верблюд растительного мира /Н.И. Вавилов о засухоустойчивом сорго/; растения-пролетарии и растения-капиталисты /Н.И. Вавилов об однолетних и многолетних растениях/; солнечные консервы /К.А. Тимирязев о высших растениях; консервант солнечного луча /К.А. Тимирязев о зеленом листе растений/; матрица жизни /Сент-Дьери о воде/; аппетитные соки /И.П. Павлов об условно-рефлекторных пищеварительных соках /, все из яйца / изречение известного эмбриолога У. Гарвея/...

Каков статус этих единиц ? Можно ли отнести их к фразеологизмам ? Ответы на эти вопросы обусловлены пониманием границ фразеологии.

По вопросу включения/невключения терминологических единиц в состав фразеологии, как известно, «существуют две полярные точки зрения: включения по

признаку устойчивости и воспроизводимости /Ф.Ф. Фортунатов, В.В. Виноградов, Ш. Балли, Н.М. Шанский и др./ и невключения по признаку отсутствия деактуализации слов в единице /А.И. Молотков, Л.А. Войнова, А.И. Федоров и др., /. Есть и промежуточное понимание границ фразеологии, допускающее включение в ее состав некоторых терминологических единиц /Б.А. Ларин, В. П. Жуков и др./.

Определяющим наш подход является следующее высказывание Б.А. Ларина: «Существенным недостатком предложенных до сих пор классификаций является их ограничение материалом современного и притом почти исключительно литературного языка». Такое сужение привлекаемого к исследованию материала нам кажется также неправомерным, выводящим из ноля зрения исследователей терминологические единицы, которые, кстати, интересны уже тем, что часто выступают как прототипы «истинных» фразеологизмов.

Аргументами для ввода этих единиц в состав фразеологии является, во-первых, их идиоматичность как смысловая неразложимость; во-вторых, их устойчивость как мера, степень этой семантической слитности, в-третьих, их воспроизводимость как бытование в качестве готовых, а не «собираемых в речи единиц речемыслительной деятельности специалистов разных областей знания, в-четвертых, наличие в них образного компонента как эмотивного способа хранения информации о реалиях объективной действительности в сознании носителей языка и, наконец, в-пятых, учет «степени» фразеологической устойчивости в терминологическом пространстве /в нашем случае - трех «степеней» в сельскохозяйственной терминосистеме/.

Такой подход позволяет стратифицировать фразеологический материал не только по стилистическому критерию, но и по функциональному.

Ксенофонтова Л.В.
(Курган)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологические единицы, безусловно, относятся к номинативному фонду языка. Однако среди них немало таких, которые функционируют не в составе предложения, а в качестве самостоятельной коммуникативной единицы: **Держи карман шире! Флаг тебе в руки. Не велика беда. Бог его знает! Наша взяла. Нашли дурака! И смех и грех. Как бы не так!** и др. От изолированного употребления фразеологизмов, например: **Стреляный воробей. Глазом не моргну!** – их отличает несочетаемость с другими словами в составе предложения. От устойчивых фраз, пословиц и поговорок их отличает субъектно-предикатная нерасчлененность и, следовательно, синтаксическая нечленность.

Основное свойство, выделяющее фразеологизмы-высказывания из всего корпуса фразеологизмов, – интонационная оформленность. (передаваемая в словах восклицательным знаком). Именно интонация служит в них показателем предикативности, указывающей на соотнесенность с моментом речи, и модальнос-

ти. Сферой употребления фразеологизмов- высказываний является непринужденная разговорная речь, диалог, а также внутренняя речь.

По типу семантики это модальные фразеологизмы, в которых отчетливо выражается модальная оценка говорящим лицом предмета речи или ситуации речи как реакция на высказывание или поступок других участников речевого акта. Коммуникативным намерением говорящего субъекта является, с одной стороны, выражение своего чувства-отношения, а с другой – стремление вызвать чувство – отношение к предмету речи у адресата. Употребление фразеологизма-высказывания приближается по значимости к речевому поступку, который способен изменить поведение адресата: **Будьте вы прокляты! Флаг тебе в руки.**

Содержание субъективной модальности в данных ФЕ разнообразно: **Ничего себе!** – удивление, **Бог с тобой!** - согласие, примирение, прощение, уступка и т.д. Характер эмоции становится ясен из ситуации речи.

Яркая экспрессивная оценочность и разнообразные оценочные значения сближают фразеологизмы-высказывания с предложениями фразеологизированной структуры: **Город как город. Чем не подарок! Что за характер!** В последних, однако, модальная оценка совмещается с вербализованным предметом речи.

К структурным особенностям фразеологизмов - высказываний можно отнести следующие: отсутствие синтаксической парадигмы, несочетаемость со знаменательными словами, возможность синтаксической связи с предикативными единицами и осложнения обращением. Внутреннее строение отличается многообразием моделей.

Таким образом, фразеологизмы - высказывания представляют собой особую группу фразеологических единиц, в семантике которых актуализирован эмотивный компонент, выражающий чувство-отношение говорящего в виде моментальной эмоциональной реакции на высказывание или ситуацию речи. Как в семантическом, так и в структурном аспектах они представляют собой переходное явление между номинативным и коммуникативными единицами языка.

Кузнецова И.В.
(Санкт-Петербург)

О СЛОВАРЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Достижения восточнославянской фразеологии актуализируют создание идеографического словаря устойчивых сравнений (УС). Существующие словари не могут отразить богатейший материал, накопленный лингвистическими, паремиологическими, этнографическими источниками, что значительно обедняет корпус фразеологии в сфере УС, оказавшимися «париями» фразеологии. В сборнике И.Гурина (укр.) нет толкования УС; они семантизируются по основанию сравнения или структурно-семантической модели. Алфавитное расположение материала по опорному слову образной основы, как и по основанию сравнения, в словарях В.М. Огольцева (рус.), А.С.Юрченко и А.А.Ивченко (укр.), Ф.М. Янковского (бел.) затрудняет поиск нужного материала.

Более удобна идеографическая систематизация, когда материал в словарной статье, ориентированной на лексическую семантику УС и возглавляемой нейтральным словом, расположен по принципу иерархии: от общего к частному (=>отпадает необходимость толкования каждого УС: они объединены в вариантно-синонимические ряды с учётом нюансов значения); от общеупотребительного к диалектному (это важно для разных типов лингвистического анализа); от межстилевого к социально ограниченному (в т.ч. и общепонимому для объективного изучения фразеологии в разных аспектах). Характеристика по степени устарелости–новизны отразит динамику языка (возможно и указание на время фиксации УС). В идеале словарь должен содержать алфавитный указатель, отсылки к другим компонентам и рубрикам (для многозначных УС), стилистические и эмоционально – оценочные пометы. Стилистическая градация по сфере употребления сопряжена с определёнными трудностями из-за обилия помет, предлагаемых лексикографами, и разнобоя в их понимании. Так, авторы «Словаря образных выражений русского языка» считают пометы разг. и прост. разноплановыми единицами, т.к. «помета разг. указывает не на социальные условия речи, а на особую её форму (разрядка наша – И.К.) – обычно устную, спонтанную и т.п.» (М 1995, 9). В.Г.Костомаров убеждён в стилистической равнозначности этих помет. Предлагается и помета разг. - прост., т.к. «влияние просторечия как одной из подсистем на разговорный стандарт как на другую подсистему» очевидно, Г.Е.Крейдлин и И.А.Шаронов выделяют близкий к эмоциональному тип помет, названный условно интонационным.

Это облегчит работу со словарём, сделает его ценным подспорьем для читателей – иностранцев, переводчиков и других гуманитариев.

Кузнецова И.В.
(Санкт-Петербург)

ИЗ НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Устойчивые сравнения – ценный источник сведений о мировидении народа. Их идиоэтничность выявляется на фоне универсального, а национальная специфика – на уровне образа сравнения.

Брянское устойчивое сравнение **влюбился как антонов огонь в гнилушку** не имеет в славянских языках аналогов и на первый взгляд не мотивировано. Перифраза **антонов огонь** имеет значение 1) гангрена; 2) болезнь деревьев; 3) горение (именно здесь дано УС); 4) пожар; 5) чёрт. Однако в устойчивых сравнениях вряд ли имеется в виду горение: **антоновым огнём** называли сначала распространяющуюся в XI веке в Западной Европе воспалительную рожу, от которой якобы исцеляли мощи св. Антония, затем гангрену; в русских говорах гнилушка – старое, истлевшее, гнилое дерево. В народном сознании деревья связаны с областью демонологии (рус. **сидит как чёрт в вербе (раките, осине)**; укр. **вірить як чорт у суху вербу**; **б'ється як чорт коло сухої верби**; **женит сі як дідько з сухов вербов**; польск. **siedzi jak diabel w rokokinie (rokicie, spróchniałej wierzbie)**; **rozśmiał się (chichocze się) jak diabel w rokokinie**; **śmieje się jak diabel w suchej wierzbie**; кашуб.

wpasc jak djôbôl na sêché drzewo), а персонификация болезней, уходящая корнями в язычество, и семантический переход “болезнь” - “злой дух” типичны для мифологии славян. Болезни могут предстать явлениями природы, в том числе и пожаром, а одно из мест их обитания, как нечисти вообще, - старые деревья. Славянские устойчивые сравнения - рус. **влюбился как чёрт в сухую ракиту**; укр. **влюбився (закохався) як чорт у суху вербу (грушу)**; **любить як чорт суху грушу**; бел. **утрескаўся як чорт у сухую грушу**; польск. **zakochać się jak diabeł w suchej wierzbie**; кашуб. **zakochac sę jak michôłk w jertzbinie**; чеш. **zamiloval se jako ďábel do suché verby** - позволяют считать этимоном анализируемых единиц, внутренняя форма которых «влюбился + как + болезнь в старое дерево», структурно-семантическую модель «влюбился + как + нечисть в <сухое> дерево». Параллель здесь очевидна. Заметим, что сухое дерево в мифологии многих народов – символ смерти и бесплодия женщины. В случае с вербой эпитет *сухая* избыточен: по легенде, из неё были сделаны гвозди для распятия Иисуса, в наказание за это верба стала бесплодной, трухлявой, с кривым стволом (ср. с с.-х. **неплодна је ка врба**), а вот для груши – символа плодородия – закономерен.

Рассмотренное устойчивое сравнение ярко демонстрирует особенности мышления и религиозно-мифологического мировосприятия как признак менталитета.

Куныгина О.В.
(Челябинск)

ОМОНИМИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ И МОДАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологические частицы находятся в сложных омонимичных отношениях с другими классами фразеологических единиц: фразеологическими союзами, качественно-обстоятельственными, призначными и модальными фразеологизмами.

Средством различения таких классов единиц является синтаксическая сочетаемость. Выделенные нами омонимичные ряды обнаруживаются в разных синтаксических условиях. Фразеологические частицы уточняют семантику слов, фразеологические союзы выражают связь между группами слов, частями предложения, качественно-обстоятельственные фразеологизмы имеют значение признака действия, призначные - значение свойства и состояния субъекта, модальные - выражают отношение говорящего к действительности и высказываемому.

Рассмотрим омонимию фразеологических частиц и модальных фразеологизмов.

По данным нашей картотеки, семь пар: **вон как¹ - вон как², вот что¹ - вот что², во всяком случае¹ - во всяком случае², да ну¹ - да ну², ни больше ни меньше¹ - ни больше ни меньше², ни много ни мало¹ - ни много ни мало², по крайней мере¹ - по крайней мере²** образовали омонимические ряды.

Фразеологизмы приведенных омонимичных рядов имеют одинаковый компонентный состав, характеризуются тождеством структурной модели, относятся к морфологически неизменяемым фразеологизмам, но различаются типом категориального значения и обнаруживаются в разных синтаксических условиях.

Не то чтоб ему уж так очень нравились легкомысленные и **во всяком случае**¹ необъяснимые поступки этого ветреного мужика... (Ф.М.Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

Сейчас в мире стоит не то чтобы совсем пасмурная, но **во всяком случае**², довольно хмурая погода. (К.Симонов. Сегодня и давно).

Во всяком случае¹ - занимает присловную позицию в предложении, уточняет семантику слова «необъяснимые», вносит дополнительный оттенок «уточнения» в предложение, имеет единое, цельное, слитное интонационное оформление, следовательно, относится к классу фразеологических частиц (= все же, всё-таки).

Во всяком случае² - занимает обособленное положение внутри предложения, выделено пунктуационно, имеет автономное интонационное оформление, выражает отношение говорящего к действительности, относится к модальным фразеологизмам (=конечно, определенно, безусловно).

Таким образом, фразеологические частицы вступают в омонимичные отношения с модальными фразеологизмами. Средством различения омонимов является позиция в предложении, интонационное оформление, тип категориального значения, синтаксическая сочетаемость.

*Лебединская В.А.
(Курган)*

ДИНАМИЗМ ВНЕШНЕЙ ФОРМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Язык никогда не бывает статичен. Он всегда находится в состоянии изменчивости, и статика может рассматриваться только как момент динамики.

Динамические процессы во фразеологии являются объектом пристального внимания современных ученых. Изучаются изменения в структурно-семантической организации фразеологизмов: преобразования компонентного состава, модификации внешней формы фразеологизма, эволюция в семантике; исследованию подвергаются фразеологические архаизмы и неологизмы; в поле зрения лингвистов находится стилистическая динамика фразеологического фонда языка.

Следует прежде всего различать изменения внешней и внутренней формы фразеологизма как языкового знака, изменения, находящиеся в гармоничном взаимодействии: первые неизменно обуславливают, сопровождают, вызывают вторые. Внешние языковые изменения эксплицитны, находятся на уровне формальных состояний и свойств фразеологизма, внутренние – имплицитны, трудно уловимы, их наиболее сложно фиксировать и аргументировать.

Процессуальные фразеологизмы имеют особенно много проявлений изменчивости внешней формы, начиная от преобразований синтаксической структуры и компонентного состава и кончая формальными метаморфозами каждого компонента.

Формальные изменения фразеологизма имеют парадигматическую основу. Для парадигматики процессуальных фразеологизмов чрезвычайно характерны «ограничения в выборе переменных» (В.Л. Архангельский). Эти ограничения могут касаться как глагольных, так и неглагольных компонентов (имею право –

имеешь право – имеет право – имел право – имеется право – имеющий право и т.п., иметь право – иметь права, давать совет – давать советы и т.п.).

Ограничения в формообразовании процессуальных фразеологизмов ведут к формированию неизменяемости их. Фиксация формы сопровождается утратой процессуальной семантики и переходом в классы непроцессуальной семантики – наречные (качественно-обстоятельственные, количественные), призначные, модальные, междометные. Возможно при этом на каких-то этапах сосуществование фиксированной и парадигматической формы.

Динамические преобразования процессуальных фразеологизмов могут носить также окказиональный характер (Держать камень за пазухой – камень за пазухой, играть в кошки-мышки – кошки-мышки и т.п.).

Изучение парадигматических и окказиональных преобразований процессуальных фразеологизмов ведет к познанию их постоянно эволюционирующей семантики, к познанию динамичности языка.

*Лебединская В.А., Усачева Н.Б.
(Курган),
Цыцаркина Е.Л.(Коркино)*

ЭТНОФРАЗЕОЛОГИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В последнее время появилось много терминов, включающих в свой состав греческий корень *ethnos* - племя, народ: этнография, этнодемография, этнолингвистика, этнология. Термин «этнос» стал актуален на исходе 20 века из-за политической злободневности национального вопроса в современной жизни. Языковая, этническая и религиозная принадлежность человека и социума взаимно пересекаются, никогда не смешиваясь, создают своеобразие культуры и мировидения (ментальности) народа. На наш взгляд, во фразеологическом составе языка есть много единиц, семантика которых выявляет особенности мировидения того или иного народа, его культуру, его сознание. Изучение таких фразеологических единиц и их свойств может составить объект и предмет особой науки - этнофразеологии.

Фразеологическая картина мира всегда отражает связь с бытом, историей, географическим положением конкретного народа, ср. в русском языке: **язык до Киева доведет, сибирский характер, русский характер, испить воды из Дона Великого, Кубанские казаки, Запорожская Сечь, сидеть на Камчатке, чеченский вопрос, китайские церемонии, американский дядюшка** и т.п.

Особое место во фразеологической картине мира занимают мифологические и религиозные мотивы. Исследование фразеологии с так называемыми религиозными компонентами (бог, черт, душа, грех и т.п.) может составить особый раздел этнофразеологии, обобщающий языковые свидетельства об отношении того или иного народа к религии.

Русская этнофразеология могла бы быть отражена в особом идеографическом-этнофразеологическом словаре, включающем в себя три составляющие: мир

одушевленных существей (растения, животные, человек), мир неорганической природы (земля, вода, воздух, космос), мир абстрактных понятий (жизнь, смерть; деятельность, состояние, реляции; время, пространство; количество, качество; причина, следствие; сходство, различие).

Язык соединяет в себе как научную, так и обыденную (житейскую) картины мира. «Нет фактов вне мира, но нет фактов и вне языка, описывающего данный мир» (Ю.С. Степанов).

Леонова Т.Г.
(Омск)

НАРОДНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ОПИСАНИИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ)

На основе материалов диалектологических экспедиций коллективом лингвистов Омского госпедуниверситета и Омского госуниверситета создан «Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» (Т.1-3/Под ред. Г.А.-Садретдиновой. - Томск, 1992-1993; Дополнения. Вып.1/Отв. редактор Б.И. Осипов. - Омск, 1998), явившийся первым опытом областного словаря прииртышских говоров.

Народное слово – объект внимания не только лингвистов, но и представителей смежных наук, в том числе и фольклористов. Преподавателями Омского госпедуниверситета фольклорные экспедиции проводятся с 1951 г., и к настоящему времени кафедра русской и зарубежной литературы располагает солидным рукописным архивом, материалы из которого частично изданы. Поскольку эти материалы не привлекались к работе над «Словарем», представляется необходимым теперь ради общей пользы показать возможность и целесообразность их использования. В данном случае ограничиваем себя рассмотрением лишь опубликованных из архива текстов и фразеологизмами только в описании свадебного обряда.

«Словарем» зафиксированы разные обычаи установления супружеских отношений, создания семьи. В одних случаях девушка выходила замуж без согласия родственников, т.е. «убегом», в других – устраивалась («игралась», «гулялась») свадьба в соответствии с местными традициями.

В «Словаре» есть фразеологизм **бегом убежать (уйти) замуж** с двумя однотипными примерами («бегом»). В качестве иллюстрации вариантного компонента («уйти») можно привести сходную конструкцию из вечерошной песни: «Я сама-то уходом уходила, // Светло платье под полюю уносила...»/См.: Фольклор и литература Сибири. - Омск, 1981. С.138).

«Словарь» отражает в своих терминах все этапы свадебного обряда; фразеологизмы относятся лишь к отдельным из них: в меньшем количестве – к обычаям начала свадебного ритуала и самого дня свадьбы, в большем – к заключительному этапу.

В описании ритуалов дня свадьбы выделяются три фразеологизма: **завали-**

вать ворота, косу продавать и окрутить (окручать) молодуху (невесту). К первому из них у нас есть вариант – **заламливать ворота** с примером: «У невесты **заломлены ворота...**» (Фольклор и литература Сибири.). Ко второму – предлагаем вариант с иным компонентом – «выкупать», что подтверждается следующими иллюстрациями: «Выкупите у нас косу, // Мы недорого просим» (Фольклор и литература Сибири.), «Жених выкупает невестину косу...» (Там же).

Знакомство, с одной стороны, со «Словарем», с принципами отбора в него материалов и, с другой стороны, с материалами фольклорных экспедиций ОмГПУ позволяет предположить, что дополнительно к уже отмеченным фразеологизмам есть основания выделить и другие.

По аналогии с фразеологизмом **молодой князь** на основе имеющихся материалов можно назвать устойчивые сочетания такого же типа, характеризующие других участников свадьбы, начиная с невесты – «молодой княгини».

Некоторые из сочетаний, отмеченные в «Словаре», как устойчивые, с привлечением новых материалов могут обрести статус фразеологизмов. Например, **княжье место**, имеющее в «Словаре» лишь один пример из бытовой речи, возможно проиллюстрировать фрагментом из народно-поэтического описания обряда – обращением тысяцкого к подругам невесты: «Позвольте нашему князю молодому // В княжье место съездить» (Народные песни Прииртышья).

Следует отметить наличие в народных песнях общерусских фразеологизмов, в состав которых входят зафиксированные в «Словаре» диалектные слова. Например: «Идут девки взамужья...» (Народные песни Прииртышья), «Вырастешь большая, отдам тебя взамуж...» (Фольклор Западной Сибири). В этом случае целесообразно обозначить диалектный фразеологизм – **идти (отдать) взамуж (взамужья)**.

В песенных текстах слово «венец» также входит в устойчивые сочетания, не отмеченные «Словарем»: **ехать (идти) к злату венцу и под венцом стоять**. Примеры: «Благославите нашему князю // Княгинишку ко злату венцу» (Народные песни Прииртышья), «Благослави, родима матушка, // К злату венцу ехати, // Злат венец приняти на мою головушку» (Там же), «К золоту венцу пойду» (Там же); «Под золотым венцом стоять...» (Фольклор Западной Сибири), «Под венцом стояла, // Под венцом-венцом стояла...» (Там же). Думается, названные словосочетания являются фразеологизмами.

Наконец, представляется возможным выделить из фольклорных материалов фразеологизмы, которые, как и их отдельные компоненты, отсутствуют в «Словаре», но, на наш взгляд, должны быть в нем. Это, например, «коса – девья красота» с примерами из песен: «Крупчата коса – девья красота...» (Народные песни Прииртышья), «Коса ли, девья красота...» (Фольклор Западной Сибири).

Таким образом, хотя в «Словаре» достаточно широко представлены народно-поэтические иллюстрации, использование архивов фольклорных экспедиций может дать дополнительный и качественно новый материал. Именно контекст художественной речи, особенно стихотворной, способствует сохранению и функционированию диалектных фразеологизмов в единстве их компонентов.

«ТЁМНЫЕ» СЛОВА В СТАРИННЫХ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И ПОПЫТКИ ИХ ЭТИМОЛОГО- СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Многие древние по происхождению фразеологизмы, особенно поговорки, на протяжении столетий претерпели серьёзные изменения в смысловом и структурном отношении, и в них появились «тёмные» слова, что серьёзно затрудняет выявление их истинной семантики. А причина тому - чаще всего исчезновение или забвение той объективной реалии, которую некогда выражала та или иная лексема.

Переосмысление слов, имеющих затемненную семантику, заставляло говорящих переносить на них значения каких-либо хорошо знакомых узуальных слов.

Такова идиома **избушка на курьих ножках**. И в самом деле, почему избушка в ней на *курьих ножках*? Еще в 1891 г. Д.А. Никольский высказал предположение, что эта идиома звучала по-иному, как **избушка на курьях**, где слово *курья* означает «речной залив, заводь, старое русло реки» и известно как в финно-угорских (в первую очередь пермских) языках, так и в северорусских говорах. Этимологический анализ слова *курья*, содержащийся в нашем докладе, убеждает, что оно восходит к индоевропейскому пракорню **kur-* и его глагольному деривату **kuri* («дымить, чадить, парить, испускать смрад»), в связи с чем *курья* в составе анализируемой идиомы понимается нами как «залив с болотной, застоявшейся и нередко испускающей смрад водой, дымящей туманом по утрам». А столкновение в языке слова, образованного от давно забытого пракорня **kur-*, являвшегося некогда общим для всех языков большой ностратической семьи, со словом, образованным от хорошо знакомого древнерусского *куръ* («*ветух*»), привело в конечном счете к забвению говорящими изначальной семантики слова.

«Темным» следует признать и слово *сырая* в составе идиомы **мать земля сыра**, понимаемого как «земля увлажненная, оплодотворенная дождем, способная стать матерью» (А.Н. Афанасьев). Однако влажность не всегда выступает существенным признаком земли: сырая в тундре, она совершенно лишена влаги в песчаной пустыне. Ещё в 1868 г. А. Гильфердингу казалось очевидным, что в указанной идиоме «не выражается сырость, влажность земли; это был бы слишком прозаический и мелкий признак для эпической фантазии». Выяснив ритуальную роль земли у древних славян и значение корня *сыр-* в составе слова *сырая* значения «крепкая, сильная», вероятно, сыграла роль встреча этого прилагательного со словом-синонимом *матёрая*, который со временем «вытолкнул» из обихода слово *сырая* в его изначальном смысле. И произошло это еще в древнерусскую эпоху. Уже тогда *матерая* и *сырая* стали выступать как синонимы - удвоение. Так, в древних исторических песнях встречается фраза: «Высоко Сокол поднялся и о *сыру матёру* землю ушибся». А вместо традиционной украинской здравницы молодой невесте на свадьбе (Бувай здорова, як риба, гожа, як вода, весела, як бджола, багата, як земля сира), мы в селе Пациково под Ивано-Франковском услышали совсем иной, пожалуй, самый древний ее вариант: Бувай здорова: як риба - гожа, як вода - весела, як бджола - багата, як земля - сира», где все части

пожеланий предельно точны, как формулы.

И еще об одной фраземе с «темным» словом - «На тебе, боже, что мне (нам) не гоже», которая в качестве поговорки употребляется в обстоятельствах, когда под видом некоего благодеяния хотят освободиться от чего-то неясного, нежелательного. Признается, вслед за В.И. Далем, что *боже* здесь поздняя замена, возникшая в результате каламбурно-ритмической переработки древнерусского выражения «на тебе, *убоже*, что нам не гоже», где *убоже* - форма звательного падежа от *убогъ* («нищий, бедняк, калека»). Но столь «открытый текст» данной фраземы крайне не деликатен, некорректен и вступает в резкое противоречие с принципом «природной» народной этики – ни при каких обстоятельствах не допускать унижения личности.

В данной поговорке на месте *боже* издавна выступал *убогъ*, но не в значении «нищий, калека», а в значении «хранитель домашнего очага и мест обитания человека».

Этому убогу, как члену рода, славяне-язычники воздавали всевозможные почести и задабривали его кормлениями, произнося при этом нечто вроде «На тебе, *убоже*, а то нам не есть гоже», где «не есть гоже» означает «нехорошо (непристойно) так поступать: мы поели - поешь и ты». Но, свергнутый вместе с другими божествами с языческого Олимпа, древнерусский убог стал во времена христианства символом злого духа и нечистой силы и был предан забвению. И как результат этого, в корне изменилась сама поговорка, иной стала и ее направленность, а на месте «темного» *убога (убоже)* появился хорошо знакомый *бог (боже)*.

Логинова О.В.
(Челябинск)

ДВА ПРОЯВЛЕНИЯ ДИНАМИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Все фразеологизмы русского языка по своим грамматическим признакам делятся на два разряда: изменяемые и неизменяемые. Все они обладают устойчивыми свойствами (в компонентном составе, в морфологической форме, по значению). Изменяемые фразеологизмы (со значением предмета, признака и процесса действия) имеют грамматическую форму, грамматические категории. Синтаксическая функция при изменении фразеологизма меняется (например, И.п. выполняет функцию подлежащего в предложении, а Р.п. - функцию объекта или несогласованного определения). У неизменяемых фразеологизмов происходит уничтожение или утрата грамматического значения у какой-либо формы.

На фоне очень высокой степени устойчивости фразеологизмов проявляется и динамика. Самым первым проявлением динамики является варьирование.

Наиболее частотным, по данным нашей картотеки, является компонентное варьирование: **богатырским сном - мертвым сном - непробудным сном, с добрым сердцем - с доброй душой, собственными глазами - своими собственными глазами, с разбитым корытом - у разбитого корыта**. Как правило, варьируется семантически и структурно обязательный компонент. Так, фразеологизм **обратить на**

истинный (правый) путь имеет согласуемые компоненты *правый* и *истинный*. Вне фразеологизма *правый* - прилагательное со значением “не нарушающий никаких норм закона”; *истинный* - прилагательное, имеющее значение “соответствующий истине, несомненный”. В состав фразеологизма эти компоненты вносят общую сему “верный, правильный”.

Вторым по продуктивности является морфологическое варьирование: **загадочным образом - самым загадочным образом, с мрачным видом - с самым мрачным видом, с разинутым ртом - с разинутыми ртами, с разбитым корытом - у разбитого корыта**. В этих и подобных случаях происходит варьирование форм числа, степени сравнения и падежа.

Незначительно по продуктивности словообразовательное варьирование: **мертвым сном - мертвецким сном, открытыми глазами - раскрытыми глазами, с открытым ртом - с раскрытым ртом, с распростертыми объятиями - с простертыми руками**. Происходит варьирование приставок и суффиксов.

Вторым видом проявления динамики является омонимия, совпадение форм, но несовпадение значения, так как нет объединяющих их сем.

На материале нашей картотеки выявлена только внешняя омонимия.

Средством различения таких форм является лексико-семантическая сочетаемость. Фразеологизм **подножный корм** (“средства существования, добываемые где и как придется”) омонимичен свободному сочетанию (например: коровы все лето остаются **на подножном корму**). Имеют внешние омонимы и такие фразеологизмы: **слуга покорный** (при выражении отказа или несогласия, ср.: нам нужен слуга покорный и работающий); **прямая линия** (“кровное родство”, ср.: соедините точки прямыми линиями), **не прямой дорогой** (“незаконным образом”, ср.: ехать не прямой дорогой, а объезжей).

Таким образом, динамика фразеологизмов - это явление живого языка, его постоянное движение вперед.

Мелерович А. М.
(Кострома)

О НОМИНАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТЕ КАК СПОСОБЕ КОНЦЕПТООБРАЗОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЯ А. М. МЕЛЕРОВИЧ, В. М. МОКИЕНКО «ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОЙ РЕЧИ»)

Слово- и фразеотворчество в тексте на базе идиоматики языка является процессом индивидуальной семантизации знаний о мире. В семантике возникающих в тексте слов, окказиональных фразеологизмов находит выражение концептуализация явлений действительности, связанная с их оценкой с определенных мировоззренческих позиций. Основной языковой формой выражения концептов как общих понятий, понятий духовной культуры народа являются субстантивы. В плане вербальной концептуализации явлений действительности наиболее продуктивна номинализация.

Наиболее употребительна номинализация глагольных фразеологических еди-

ниц, транспонирующихся в субстантивные.

Отглагольные субстантивные ФЕ могут быть распределены по следующим семантическим полям: 1) поведение, отношения между людьми: **выкручивание рук, выход за рамки, втирание очков, ловля рыбки в мутной воде, перегиб палки, почивание на лаврах, залезание в душу, пускание пыли в глаза**; 2) поступки: **напрасное ломание копий, вышибание клина клином, хватание за соломинку, получение в руку синицы, стрельба из тяжелых пушек по воробьям**; 3) интеллектуальное состояние: **строительство воздушных замков, знание своего шестка, зарубка на носу, напряженное сведение концов с концами**; 4) интеллектуальная, трудовая деятельность: **работа спустя рукава, высасывание из пальца, борьба с ветряными мельницами, смешивание зерен и плевел, отделение зерен от плевел, четвертьвековое кружение в беличьем колесе землевладельческих забот**; 5) речевая деятельность: **толчение воды в ступе, переливание из пустого в порожнее, щедрое рассыпание юмора (ср.: бисера).**

Для фразеологических окказионализмов этого вида характерно образование супплетивных форм: **ход против течения (ср.: плыть против течения), трата сил на ветер (ср.: бросать на ветер), уход в башню из слоновой кости (ср.: затворяться в башне из слоновой кости), розовый взгляд на мир (ср.: смотреть сквозь розовые очки)** и т. п.

Формирование номинализованных окказиональных конструкций на базе узальных ФЕ обусловлено потребностями расширения номинативных средств языка. Подобные конструкции способны экспрессивно, лаконично и точно выражать новое концептуальное содержание со всеми его нюансами, представляя его в различных эмотивно-оценочных ракурсах.

Мительская Ж.З., Юздова Л.П.
(Челябинск)

ПЕРЕХОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (КАЧЕСТВЕННО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННОГО И МОДАЛЬНОГО)

Проблема «переходности» в языкознании является актуальной. Ею в разное время занимались такие исследователи, как А.М. Пешковский (обратил внимание на процессы перехода в области грамматики), А.А. Шахматов (ввел определение разновидностей переходных явлений – субстантивация, адъективация, прономинализация и др.), В.В. Виноградов (предпочел слову «переходность» термин «грамматическая омонимия»), В.В. Бабайцева (предложила выделить два типа переходности – транспозиционную (диахронную) и контаминационную, то есть гибридную), Е.П. Калечиц (подробно описала процессы перехода в области частей речи и в сфере лексико-грамматических разрядов слов).

Проблематичными остаются вопросы квалификации переходных явлений в области фразеологии: а) возможно ли считать фразеологизмы, совпадающие по форме, но различающиеся категориальным значением, омонимами в общеприня-

том смысле? б) так называемые «омонимы» – один «гибридный» фразеологизм или два отдельно существующих фразеологизма, возникших в результате перехода, и тогда в чем заключается сущность механизма этого перехода?

Явления переходности чрезвычайно характерны для русского языка, они пронизывают все ярусы языковой структуры (фонологический, морфемный, словообразовательный, лексико-фразеологический, грамматический), что свидетельствует о взаимодействии динамических и диалектических процессов в языке. «Взаимодействие [этих] двух типов процессов проявляется в постоянном увеличении числа количественных изменений и скачкообразном переходе их в качественные изменения» (А.М. Чепасова).

В области семантико-грамматических классов ФЕ переходные явления наиболее характерны для фразеологических единиц качественно-обстоятельственного (субкатегория образа действия) и модального типа семантики: **таким образом** (к.- о.) – **таким образом** (мод.), **естественным образом** (к.- о.) – **естественным образом** (мод.), **в целом** (к.- о.) – **в целом** (мод.) и др. Этот факт, на наш взгляд, объясняется, во-первых, наличием в семантической структуре фразеологизмов двух классов семы «образа», или «модуса», во-вторых, морфологической неизменяемостью этих единиц. Сема «образа – модуса» при переходе качественно-обстоятельственных ФЕ в модальные становится ядром значения. При переходе осуществляется движение от одного уровня абстракции (качественно-обстоятельные обозначают абстрагированный признак действия, признака, предмета) к другому, более высокому (модальные фразеологизмы не обозначают понятия, а выражают разного рода отношения, дают оценку). Таким образом, осуществляется трансформация категориального значения.

Критерий разграничения фразеологизмов-омонимов - синтаксическое окружение или контекст, а также особая интонация.

*Михайлова Г.И.
(Астрахань)*

О РАЗВИТИИ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В современной лингвистике сосуществуют многочисленные теории, стремящиеся объяснить сущность категории наклонения. Во фразеологии, как и в лексике, наблюдается неравномерность развития и разная степень устойчивости семантической и грамматической подсистем.

Изъявительное наклонение, пронизывая всю систему форм и значений категории, способно качественно изменяться в свою противоположность, активно взаимодействовать с другими формами наклонения, проявляя высокую степень подвижности грамматических значений. Модально-функциональный диапазон этой формы наклонения процессуальных фразеологизмов способен расширяться за счет семантического содержания «нейтральных» наклонений, поддерживаясь индивидуальным значением единицы, структурными особенностями повествовательного коммуникативного типа речи. В диалогической речи индикатив фра-

зеологизмов обнаруживает стремление к устойчивости при выражении просьб.

Возможность взаимозамены форм наклонения, постоянное и необратимое появление новых образных значений и модальных оценок у форм наклонения фразеологизмов, связанных с выражением реальности действия, свидетельствует о рождении нового качества, новой сущности данной категории. Этот непрерывный процесс, не разрушая единства категории, делает ее семантически и функционально богаче.

Семантическая подвижность и «консервативность» грамматической формы характерна и для императива фразеологизмов, поскольку обе формы наклонения обозначают мыслительно-волевые процессы, сферу человеческих эмоций и субъективных оценок действия. Условное наклонение фразеологизмов отличаются однонаправленное развитие семантического объема, низкая степень обогащения модальными значениями и непродуктивность синонимической замены. Находясь на периферии процессуальности, оно может терять противоположность с другими формами категории, становясь источником образования новых фразеологизмов с противоположным типом семантики, сохраняющих форму наклонения как свою внешнюю оболочку. Подобной фразеобразующей функцией обладают некоторые императивные формы процессуальных фразеологизмов.

В развитии категории наклонения важную роль играет индивидуальное значение фразеологизма, способное более активно, чем глагольное значение, морфологически ограничивать жизнь процессуальной единицы, качественно преобразуя значения категории. Утрата грамматической подвижности ведет к сокращению сферы модальных значений форм фразеологизмов, что создает условие для преобразования процессуальной семантики в непроцессуальную. Относительная устойчивость консервативность грамматической формы наклонения по сравнению с мобильностью содержания становятся причиной появления в языке вариантных и фиксированных фразеологизмов, которые в разных формах наклонения служат средством выражения субъективно – объективных отношений к действительности. Во фразеологии этот процесс является постоянным, закономерным, необратимым и свидетельствует о качественном скачке в развитии семантики фразеологизма.

Наумова К.Г.
(Тула)

О СЛОВАРЕ НОВОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Многие современные исследователи отмечают тот факт, что на русский язык конца XX столетия наибольшее влияние оказало такое крупное социальное потрясение, как общественно-политическая перестройка 1985 года. Известно, что подобные экстралингвистические факторы являются главной движущей силой образования номинаций во всех языках, поэтому самыми неогенными пластами оказываются лексика и фразеология.

«Неологический взрыв» конца 80-90-х годов XX века заставляет лингвистов более активно фиксировать и описывать новые явления в языке, способствует

развитию и укреплению неологической лексикографии, или неографии. Представленная сегодня двадцатью словарями и бюллетенями, она создала обширную базу для изучения лексики и фразеологии современного русского языка, предоставила возможности увидеть основные тенденции и особенности этого развития.

Одной из актуальных задач отечественной неографии является, на наш взгляд, создание на основе всех изданий по новой лексике и фразеологии ряда вторичных, выводных («однопараметровых») словарей неологизмов.

Примером такого словаря мог бы служить словарь новой русской фразеологии, охватывающий период с 60-х по 90-е годы XX века и включающий в себя фразеологические единицы различной степени семантической слитности (**прятаться в окопы, вешать лапшу на уши, промывать мозги, валютный коридор, ножки Буша, пятый пункт, коммерческая тайна, лица кавказской национальности, новые русские, сладкая парочка** и под.).

Отбор единиц в такой словарь следует проводить, используя данные словарей новых слов и бюллетеней по новой лексике, материалы картотек, информацию последних диссертационных исследований, а также словари современных социальных жаргонов, поскольку ранее требования пуризма мешали включать многие языковые факты в первые словари неологизмов.

В словарную статью такого словаря, по нашему мнению, стоит включать, помимо толкования, грамматических и стилистических помет, иллюстративного материала, также и сведения о способе образования или источнике вхождения единицы и информацию о месте ее первичной фиксации.

Создание многочисленных «однопараметровых» словарей русских неологизмов способствует формированию разветвленной системы неологической лексикографии, что, в свою очередь, дает возможность глубоко и всесторонне отражать своеобразие конкретного национального языка.

Недельчо Е.В.
(Кострома)

ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТАМИ ЦВЕТО- И СВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Семантика подавляющего большинства паремий данной группы строится на традиционной символике красного, черного и белого цветов. Красный цвет выступает как символ богатства, материального достатка, черный - как символ бедности, материального неблагополучия, а обозначения белого цвета амбивалентны. Обозначения серебряного, алого, синего и цветного (равных *красному*) и во-роного (равного *черному*) единичны.

В некоторых пословицах обозначение красного выступает в однородном ряду или как лексический вариант компоненту - указанию на богатство и достаток: **Жить в добре и красне хорошо и во сне; Тот и умен, кто богато (красно) наряжен.** Причем собственно значение красного цвета не утрачено, ибо праздничной, нарядной, а следовательно, лучшей и дорогой являлась одежда красного цвета.

Например: **Продавец в красных сапожках щеголяет.**

Алый цвет выступает как синоним *красного* с большей степенью красоты и богатства. Например, в пословице «**Одеяло стеганое алого цвета, а как ляжешь спать, так его и нету**» алое одеяло символизирует материальный достаток, являясь предметом «роскоши» и противостоит бедности, которая исключает пользование им.

Для русских пословиц и поговорок характерно обозначение *цветной*, не являющееся в буквальном плане обозначением одного конкретного цвета, но в символическом плане в фольклорных произведениях близкое красному цвету. Оно выражает большую степень его проявления, а также указывает на наличие или отсутствие богатства, достатка: **Поехали в цветном, приехали ни в чем.**

Лексемы, обозначающие белый цвет, преимущественно выступают как синонимы *красного*, символизируя материальное благополучие: **Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник.** Однако по степени обозначения ценности *белый* уступает *красному*: **Бей сороку и ворону, добьешься и до белого лебедя (красного зверя).** «Красный зверь» (лисица, куница) ценнее и дороже белого лебедя. Кстати, конкретное цветовое значение присутствует здесь наряду с символическим. Синонимом *белого* и *красного* со значением материального достатка и цвета нарядной одежды является лексема «серебро». Пословица «**Кто живет в добре, тот ходит в серебре**» подчеркивает, что по одежде можно судить о материальном положении человека.

Но белый цвет символизирует также и горе, смерть. В паремии «**С беленькой котомкой - Христос по пути**» отрицательный символический смысл - бедности, нищеты - складывается из всего сочетания «беленькая котомка», несущего в себе социальную характеристику (белая котомка - принадлежность нищего). Вместе с тем контекст паремии актуализирует амбивалентность семантики цветového прилагательного: это цвет бедности, но и цвет святости («Христос по пути»).

Черный цвет традиционно символизирует горе, бедность. В пословице «**Черный хлеб еще не голод**» *черный* выражает значение отсутствия богатства через фразеологическое сочетание терминологического характера «черный хлеб» (то есть испеченный из ржаной муки, дешевой по противопоставлению с мукой пшеничной, белой. Аналогично: **Куда нам есть сметану с калачом: хлебаем и снятое с чернячком** (т.е. со ржаным хлебом). Здесь имплицитно противопоставлены белый и черный цвета: белый - цвет сметаны и калача (из белой, хорошей муки), а черный - ржаной хлеб. Таким образом, в данных пословицах *черный* - *белый* традиционно противопоставлены и буквально, по цвету, и на символическом уровне. Хотя пословица «**Черный хлеб еще не голод**» не отражает состояние бедности, а является знаком скромного имущественного положения: не богатый, но и не совсем бедный.

Прилагательное «синий» часто не является обозначением данного цвета, называя праздничную, дорогую одежду, даже и не являющуюся по цвету синей. Так, в паремии «**Солдат Яшка, красная рубашка, синие ластовицы**», передающей стереотипы в одежде, цветовые компоненты свидетельствуют об определенном имущественном уровне, и прилагательное «синий» в отличие от своих символических синонимов отражает социальное положение - принадлежность к высшему сословию.

Таким образом, в символическом плане, отражающем материальное состояние человека, образуется следующий градационный ряд синонимов: белый - серебряный - красный - алый - цветной - синий, которые и являются эталонами оценки.

*Нестерова Л.Ю.
(Челябинск)*

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПРЕДИКАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Вопрос о многозначности фразеологических единиц в отечественном языкознании решен положительно. Многозначными мы считаем фразеологические единицы (ФЕ), которые обладают двумя или более индивидуальными значениями.

Исследуемые предикативные фразеологизмы в основном однозначны и реализуют значения в узкой лексико-семантической сочетаемости.

Многозначные фразеологические единицы составляют 23% от общего числа употреблений (83 из 360). Многозначные ФЕ реализуют от 2-х до 5-ти самостоятельных значений. Большая часть полисемичных ФЕ является двузначной: **в долгу** 1) «материально должен кому-либо», 2) «морально обязан чем-либо кому-либо»; **в ходу** 1) «распространен», 2) «в употреблении, в обращении»; **мало каши ел** 1) «слабый, немощный», 2) «недостаточно опытен, сведущ в чем-либо, молод, чтобы браться за какое-либо дело».

Лексико-семантическая сочетаемость ФЕ является объективным средством обнаружения многозначности или однозначности данных фразеологизмов.

В большей части полисемных ФЕ между индивидуальными значениями реализуются иерархические отношения.

*Овчинникова А.В.
(Кострома)*

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Глубокое изучение фразеологической семантики, а также всестороннее исследование стилистического употребления фразеологических единиц в художественной литературе и публицистике нашло отражение в вопросе об индивидуально-авторских преобразованиях ФЕ.

Различая фразеологическую вариантность в языке и речи, под индивидуальными преобразованиями ФЕ мы понимаем обусловленные семантической природой контекстные изменения, выходящие за пределы языкового варьирования и затрагивающие или только семантическую структуру, или семанти-

ческую и лексико-грамматическую структуру. Соответственно выделяется два типа преобразований: семантические и структурно-семантические. В преобразованиях первого типа ФЕ без изменения лексико-грамматической структуры подвергаются семантико-стилистическим трансформациям.

Рассмотрим некоторые виды семантических преобразований, зафиксированных в мемуарной диалогии И.В. Одоевцевой «На берегах Невы», «На берегах Сены» и в книге Г. Иванова «Петербургские зимы». В указанных текстах представлены все основные виды семантических преобразований: приобретение дополнительного семантического оттенка, переосмысление, изменение коннотативного содержания, базирующееся на образности. Однако, наиболее частотными являются преобразования последнего вида, затрагивающие внутреннюю форму ФЕ и фрагменты образной картины, а также связанные с утратой мотивировки или буквализацией значения ФЕ. Так, при двойной актуализации одновременно реализуется физиологическое значение ФЕ и значение ее образной основы и/или внутренней формы, как, например, в данных употреблениях ФЕ **пуд соли съест** и **попасть на зубок** из книги «На берегах Невы»: Я не предполагала, что художник может быть таким милым, уютным и «настоящим», таким, будто я с ним сто лет знакома и не фунт, а **пуд соли съела**» и «Бойтесь **попасть на зубок** Георгию Иванову – съест!».

В первом случае фунт соли, который выдавали петербургским литераторам на паек, является реалией, способствующей актуализации первичного значения ФЕ; одновременно с этим за счет противопоставления фунт – пуд интенсифицируется вторичное значение ФЕ. Во втором употреблении двойная актуализация осуществляется благодаря ассоциативно связанному с ФЕ глаголу съест, ретроспективно мотивирующему метафорический ряд.

Отмечено также частое соединение нескольких разновидностей семантических преобразований в рамках одного употребления ФЕ. Например, возможна двойная актуализация ФЕ **сдать в архив** с полной трансформацией ее коннотативного значения.

Можно говорить и о некоторой зависимости между семантической трансформацией ФЕ и ее стилистической функцией в тексте. Так, буквализация ФЕ **рожки да/и ножки** делает возможным использование данной ФЕ в изобразительно-оценочной функции при описании внешности героя, что не свойственно фразеологизму в нетрансформированном виде.

Подводя итог сказанному, отметим, что семантических преобразований в рассматриваемых текстах выявлено приблизительно в четыре раза меньше, чем структурно-семантических. Возможно, отсутствие ярких формальных показателей трансформации ФЕ создает необходимость как в расширении минимального семантического контекста, так и в усложнении связей между его фрагментами и компонентами семантической структуры преобразованной ФЕ. Сложность механизмов семантической трансформации и взаимодействие ФЕ с контекстом побуждает авторов к продуктивному использованию альтернативных трансформационных моделей.

Панина Л. С.
(Оренбург)

НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ДЕРЕВЬЕВ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Названия деревьев нашли отражение и в русской фразеологии. Например, слова *дуб, береза, ель, ива, клен, черемуха* часто употребляются в составе устойчивых сочетаний. По мнению Ю.А. Гвоздарева, люди по-разному относились к деревьям: одни вызывали симпатии людей, другие – нет.

Сила, мощь, долголетие дуба, с которыми связывали здоровье людей, породили выражения: **здоров (могуч, крепок) как дуб** и др. А твердость дуба стала воплощением отрицательного признака человеческого ума в таких фразеологических единицах: **дубовая голова, дубина стоеросовая** и др. Отвар коры дуба издавна использовался для дубления шкур животных, что придавало им особую прочность. Это явилось основой для образования устойчивого выражения **дубленая кожа и дубленая шкура** для обозначения невосприимчивости к неприятностям человека. А известное выражение **дать дуба**, т.е. «умереть», на наш взгляд, возникло в связи с тем, что славяне чаще всего хоронили умерших под этим деревом. Можно только недоумевать по этому поводу: как так случилось, что дерево-символ долголетия, могущества использовалось для обозначения смерти.

В русской фразеологии, по убеждению Ю.А. Гвоздарева, этому дереву «не повезло». Это отразилось в таких выражениях, как **береза ума дает, накормить березовой кашей** (т.е. наказать березовыми розгами). Известно в народе и еще одно выражение **пошел березки считать** в значении «идти или направляться в Сибирь, на каторгу». В настоящее время это выражение встречается в лексикографических источниках с пометой «устаревшее». В народной речи до сих пор бытует и выражение **найти последнюю березку**, что значит «умереть».

Так же, по мнению паремиологов, «не повезло» и осине в русской фразеологии. Выражения **дрожит как осиновый лист, трясется как осиновый лист** употребляются, когда хотят сказать о чьей-то трусости и подлости. С осинкой связано и выражение **вбить осиновый кол** или просто **осиновый кол** в значении «с кем-то окончательно расправиться».

С отрицательной окраской употребляется в русской фразеологии и слово «липа» в выражениях **липовые документы, делать липу, настоящая липа** в значении «не настоящее, фальшивое, вызывающее сомнение».

Панина Л.С.
(Оренбург)

МЕСТО СПЕЦКУРСА «ОСНОВЫ РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ» В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Цель спецкурса «Основы русской паремиологии» – углубленное изучение полемических проблем, связанных с исследованиями паремиологического фонда русского национального языка.

В лексической системе любого разговорного языка значительной частью являются так называемые сложные клише, т.е. устойчивые сочетания слов, которые воспроизводятся «в раз и навсегда заданной форме». Мы имеем в виду разного рода, вслед за Г. Л. Пермяковым, фразеологизмы-идиомы типа **стреляный воробей, съест собаку**, составные термины вроде **атомный вес, плотность населения**, всевозможные пословицы и поговорки, «крылатые слова», авторские и народные афоризмы, привычные газетные и литературные штампы.

Изучение материала основывается на систематическом подходе к исследуемым единицам паремиологии.

Основное содержание курса составляет детальное исследование нескольких языковых конструктивных типов сочетания слов, т.е. сложных /сверхфразовых/ знаковых образований:

- 1) сочетания, образующие часть предложения,
- 2) сочетания, образующие предложения,
- 3) сочетания, образующие короткую цепочку предложений, которая представляет элементарную сценку и может быть сведена к одному разговорному предложению,
- 4) сочетания, образующие среднюю по длине цепочку предложений, которая представляет небольшое сюжетное повествование из нескольких сценок и которая не может быть сведена (без утраты деталей) к одному разговорному предложению,
- 5) сочетания, образующие длинную цепь предложений, которая представляет развёрнутое сюжетное повествование и состоит из целого ряда эпизодов,
- 6) сочетания, образующие диалог, который состоит из вопроса и ответа.

При проведении спецкурса последовательно соблюдаются определенные организационные принципы.

Петрова И.В.
(Магнитогорск)

ОСВОЕНИЕ БИБЛЕЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПИСАТЕЛЯМИ-СТАРООБРЯДЦАМИ

Изобилие устойчивых словесных комплексов (УСК), восходящих к Библии и другим церковно-богослужебным книгам, - отличительная черта сочинений писателей-старообрядцев. Для отражения своей духовной жизни, религиозных убеждений, своей борьбы с идейными противниками «отцы раскола» используют наиболее употребительные в русском языке библеизмы. Фразеологический состав церковно-славянской речи в раскольничьих сочинениях сосуществует с разговорной русской речью, и в результате создается особый стиль, иной по сравнению со «славянским диалектом» «красных» стилей духовной и светской элиты XVII в.

У старообрядцев было так называемое «субстанциональное» восприятие текста, когда языковая единица сама по себе равняется обозначаемой субстанции, предмету (Шварц В.В.), поэтому семантика библейских УСК в произведениях писателей раскола остается в пределах языкового узуса. Семантическая транс-

формация обнаруживается в диахроническом аспекте при сопоставлении библейских УСК старообрядческих текстов с библеизмами современного русского языка. Так, например, в «Житии» Епифания УСК **Христос с тобою, избави Господи...** воспринимаются автором в прямом значении, тогда как в современном русском языке они употребляются в переносном смысле.

В сочинениях старообрядцев отмечаются случаи фонетико-морфологических изменений библейских УСК («**аз, грешный - я, грешной**»); преобразования их на словообразовательном уровне («**возопить гласом великим**» - «**велегласно вопить**»); синтаксические изменения: а) дистантное расположение компонентов и б) инверсия («**ест ли на спасение души моей грешной**» - «**осени ми, Господи... на спасение грешной души моей**»). Центральное же место среди индивидуально-авторских приемов преобразования библейских УСК занимают приемы лексической замены компонентов и квантитативного варьирования («**Пресвятая Богородица**» - «**Пречистая Богородица**»; «**и некогда бо ми возлегу на одре моем опочинути**» - «**мнит ми ся в полунощи, возлегу ми опочинути от трудов на одре моем**»). В результате УСК, оторванные от библейского источника, оказываются приспособленными к конкретной ситуации.

*Подгорбунских Н.А.
(Курган)*

РИТУАЛЬНЫЕ КОРНИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОВОРОК, СВЯЗАННЫХ С ТЕМОЙ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ

Телесные наказания имеют как явное символическое значение, постижение которого доступно уже на уровне интуиции, так и скрытый глубинный пласт мифологической символики, чьи истоки следует искать не только в обрядах, но и в ритуализованных формах поведения, в обрядовых формах мышления, в утраченных ритуалом мировоззренческих основах, которые оказываются куда более устойчивыми и консервативными, чем сам ритуал.

Благодаря назидательной направленности народная фразеология на протяжении столетий прочно сохраняла и донесла до нас определенную систему действий, сопоставляя которую с магическим комплексом аграрной и семейной обрядности, можно установить общие закономерности мифологической логики, организуя отдельные представления в единую картину мира.

Дидактическая целесообразность порки в стихийной народной педагогике обосновывается целым рядом пословиц, в которых битье является залогом ума, опыта, вежливости, а сечение символизирует процесс обучения: **С черта вырос, а кнутом не бит; Кнут (плеть) не мука, а вперед наука; Без палки нет ученья; Не для сеченья – для ученья; Древо немо, а вежеству учит; Много учен, да недосечен; Не побивши, не выучишь; И медведя бьют да учат; Ум да умец, да третий дубец; Побой не мед – коня учат; Ненаказанный сын – бесчестье отцу.**

Патриархальные нравственные нормы поведения, выраженные в кратких афористичных сентенциях, демонстрируют тесную взаимосвязь ритуализован-

ных форм быта с живым процессом формирования народной фразеологии: **Доносчику первый кнут; Отец его на кобыле ездит, да не верхом; Не слушался отца, послушаешься кнутца; Не учили поперек лавочки, а во всю вытянулся – не научишь; Кошку бьют, а невестке наветки дают; Бог долго ждет, да больно бьет.**

Реконструкция основных компонентов мифологической модели мира, связанных в той или иной мере с культом Рода и ритуалом инициации, позволяет восстановить тот магический смысл, который некогда был заключен в действии, и понять первичную символику и результативную целенаправленность архаичных обрядов, предназначение коих состояло в магическом воздействии на детей, в сверхъестественном исправлении и перерождении ребенка.

**Притчина Т.В., Терещенко Т.С.
(Курган)**

ЭПОНИМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Эпоним (*eponym*) – это тот, кто даёт своё имя чему-либо. Город Вашингтон назван по имени Джорджа Вашингтона. Эпонимом может быть тот, чьё имя стало синонимом или символом чего-либо. Имя Карла Великого стало символом и олицетворением Империи. Эпонимы являются основой множества фразеологических единиц.

Установление эпонимов в фразеологических единицах с именем собственным представляет большой интерес для изучающих английский язык. Такие фразеологические единицы требуют специального изучения с точки зрения этимологии и семантики.

В диахронном плане все фразеологические единицы с именем собственным мотивированы, так как в момент их возникновения носители языка ясно осознавали связь между именем собственным и значением фразеологической единицы. В синхронном плане большинство из них утратило свою мотивацию. *Joe Miller* – старый анекдот, избитая острота (*Joe Miller* – имя человека, опубликовавшего первый сборник анекдотов и шуток). В то же время эпоним во фразеологической единице *a Churchill cigar* (большая толстая сигара) настолько понятен современному поколению, что легко допускается опущение второго компонента фразеологической единицы и имя собственное становится единственным носителем значения.

Определение эпонимов требует знания истории, литературы, быта, традиций, народного творчества. *Peeping Tom* – любопытный человек (имя собственное связано с легендой о леди Годиве); *Tom Tiddler's ground* – золотое дно (фраза из детского фольклора); *Davis Cup* – Кубок Дэвиса (награда стране, чья команда побеждает в международном чемпионате по теннису).

Особую группу составляют фразеологические единицы, в состав которых входят библейские и мифологические имена собственные: *Doubting Thomas* – Фома неверующий; *the sword of Damocles* – Дамоклов меч.

Анализ фразеологических единиц с именами собственными показывает, что эпонимы в составе этих единиц становятся неотъемлемой частью словарного состава современного английского языка и расширяют его границы.

ПРОДУКТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ОБРАЗОВАНИИ ПРИЧАСТНЫХ И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

Цель нашего исследования – определить классы и группы глагольных компонентов процессуальных фразеологизмов, которые наиболее активно участвуют в образовании причастных и деепричастных форм.

Проанализировано 415 процессуальных фразеологизмов (1000 причастных и деепричастных форм).

Самыми многочисленными, судя по нашему материалу, оказались глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к классу на **-и**: 119 фразеологизмов в 385 причастных и деепричастных формах, 38,5%. Самым продуктивным оказался глагольный компонент **ставить \ поставить** – 10 фразеологизмов: **поставить на колени кого** ‘заставить покориться’ – **поставленный на колени, поставив на колени**; **поставить вопрос** ‘спросить’ – **поставленный вопрос** (3), **ставить под сомнение что** ‘заставлять сомневаться’ – **ставя под сомнение, ставящий под сомнение** (2); **ставить в тупик кого** ‘приводить в крайнее затруднение’ – **ставящий в тупик, ставя в тупик**.

На втором месте находятся глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к классу на **-а**: 123 фразеологизма в 236 причастных и деепричастных формах, 23,6%. Самым продуктивным здесь является глагольный компонент **терять** – 7 фразеологизмов: **терять самообладание** ‘приходить в состояние раздражения’ – **теряя самообладание** (2); **терять надежду** ‘переставать надеяться’ – **теряющий надежду**; **теряться в догадках** ‘тщетно пытаться найти объяснение чему-либо’ – **теряясь в догадках**(2).

Третье место занимают глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к классу с суффиксом **-ну**: 23 фразеологизма в 76 причастных и деепричастных формах, 7,6%. Самым продуктивным стал глагольный компонент **кануть** – 3 фразеологизма: **кануть в Лету**, **кануть в небытие** ‘исчезнуть бесследно, быть забытым’ - **канувший в Лету, канувший в небытие**; **кануть в вечность** ‘остаться в памяти навсегда’ – **канув в вечность** (2).

Из непродуктивных групп, которые представляют собой замкнутые объединения, не пополняющиеся за счет новообразований, наиболее многочисленными оказались глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к группе на **-а**: 28 фразеологизмов в 45 причастных и деепричастных формах, 4,5% (**оказавший услуги, пряча глаза, бравший на себя**); глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к группе на **-а - е**: 26 фразеологизмов в 43 причастных и деепричастных формах, 4,3% (**видевшая свет, державший в своих руках** (2)).

Очень большими возможностями в формообразовании отличаются глагольные компоненты, вне фразеологизма относящиеся к одиночным глаголам: **дать** – 4 фразеологизма (**данное слово кому**(2), **дав знать кому, дав обещание кому, давший общий язык кому**); **идти** – 4 фразеологизма (**идуший в ущерб кому - чему, идущий в разряд с чем, идущий к делу**(2), **идуший на поводу у кого**).

Таким образом, наше исследование показало:

1) продуктивные глаголы, став компонентами процессуальных фразеологизмов, образуют 73,7% причастных и деепричастных форм;

2) непродуктивные глаголы в таких же условиях образуют лишь 26,3% причастных и деепричастных форм;

3) формообразовательные возможности продуктивных глагольных компонентов намного превышают такие же возможности непродуктивных глагольных компонентов;

4) среди одиночных древнейших глаголов большими формообразовательными возможностями отличаются два компонента - *дать* и *идти*.

Ратушная Е.Р.
(Курган)

О ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА

В современном русском языке многочисленный разряд составляют фразеологизмы, обозначающие человека, например: **морской волк**, **рыцарь без страха и упрека**, **абсолютный нуль**, **светлая голова**. Такие фразеологизмы обладают категориальным значением предметности, субкатегориальным значением одушевленности и лица. В семантической структуре фразеологизмов, обозначающих человека, выявляется категориальная сема «предмет», субкатегориальные семы «одушевленность» и «лицо», различные групповые и индивидуальные семы.

Формирование семантической структуры фразеологизмов со значением лица имеет свою специфику. Многие из этих фразеологизмов образуются на основе омонимичных свободных словосочетаний: **перелетная птица**, **вольный казак**, **мыльный пузырь** и другие. В таких случаях формирование фразеологического значения происходит на основе качественных семантических преобразований слов-компонентов, которые утрачивают свое лексическое значение, сохраняя только отдельные семы, участвующие в образовании новой, фразеологической семантики (А.М.Чепасова). Субстантивный компонент, являющийся грамматическим центром фразеологизма, сохраняет свое категориальное значение предметности и распространяет его на весь фразеологизм в целом, сообщая последнему предметную семантику.

Субкатегориальное значение одушевленности формируется различными способами, в зависимости от семантики субстантивного компонента. В состав многих единиц входят одушевленные существительные, сохраняющие свое субкатегориальное значение и во фразеологизме (**перелетная птица**). Становясь компонентами фразеологизма, личные существительные сохраняют также и значение лица, благодаря чему фразеологизм становится обозначением человека (**маменькин сынок**). Если же в состав фразеологизма входит компонент-зооним, последний испытывает более существенные семантические преобразования: значение нелица трансформируется в значение лица; сравн.: волк (животное) - **морской волк** (опытный, бывалый моряк).

Наибольшим семантическим преобразованиям в процессе фразеологизации подвергаются неодушевленные существительные; ср.: верста (мера длины) и **коломенская верста** - «человек очень высокого роста»). Наряду с субстантивными компонентами, важную роль в формировании семантической структуры фразеологизма играют компоненты-прилагательные, предлоги и другие. Таким образом, целостная фразеологическая семантика складывается на основе взаимодействия сем из лексических значений всех составляющих компонентов и представляет собой качественно новое языковое явление.

*Рязановский Л.М.
(Санкт-Петербург)*

ФОРМУЛА НЕВОЗМОЖНОГО В НЕМЕЦКИХ ЛОКАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Темпоральная формула невозможного распространяется и на пространственную фразеологию. Наряду с «хронотопными» ФЕ типа **zwischen Pfingsten und Basel** («между Троицей и Базелем») ее представляет целая система чисто локальных выражений, отсылающих в места, считающиеся невероятно далекими. В таких ФЕ фигурируют топонимы, как подлинные, так и вымышленные. Подобные выражения представляют собой часто шуточные ответы на вопросы «где?», «куда?», «откуда?». Система же прослеживается в том, что в нижненемецких оборотах невероятно шуточным местом является реально существующий городок **Buxtehude**, где часто «происходят» странные события (самое частотное - **wo die Hunde mit dem Schwanz bellen**), а в верхненемецких - вымышленное местечко **Trippstryll**, где бывают те же невероятности.

Таких «уточнений» не очень много, некоторые имеют иногда свою специфику. Так, только в Трипстрилле есть **Altweibermühle** (букв. «старушечья мельница»), где старух (иногда стариков) омолаживают.

Ответы на указанные вопросы имеют разные оттенки, вплоть до угрозы. Например, общегерманское выражение **«wo der Pfeffer wdchst** («где растет перец», т.е. далеко) часто содержит пожелание смерти.

По поводу происхождения компонентов-вымышленных топонимов, а также причин шуточной коннотации названий различных мест существуют разные версии. Рассматривать эти версии нужно только в комплексе локального фразеологического поля, учитывая, что в каждом немецком регионе есть (или было) шуточное место, часто служившее основой для фразеологических оборотов.

В свою очередь, локальное поле тесно связано (структурой ФЕ, образными основами и компонентами) с другими полями: темпоральным, полем угроз и другими, содержащими понятия «невероятное» и «невозможное». Только охватив все взаимосвязи, можно подтвердить или опровергнуть существующие этимологические версии, а также создать новые.

Савова П. Д.
(Болгария, Пловдив)

ОБ ОДНОМ ПРОЕКТЕ БОЛГАРСКО-РУССКОГО ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЗООНИМНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Данное сообщение - это только часть углубленного наблюдения и исследования фразеологических единиц с зоонимным компонентом болгарского и русского языков, практическая значимость которого определяется тем, что его результаты становятся «прочным базисом» для составления болгарско-русского идеографического словаря зоонимной фразеологии.

Фразеологический состав языка в общем, и в частности зоонимный, - это зеркало, в котором отражается наивная картина мира, которая определена культурой и ментальностью эпохи, местом человека в социальном пространстве (В. Телия).

По мнению Р. М. Фрумкиной, каждый язык отражает культурные реалии того социума, где язык функционирует и при этом адекватно обслуживает его культуру, и «только язык способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа, проникнуть в их сокровенные тайны» (В. Гумбольдт).

Учитывая все это и опираясь на труды Ю. Н. Караулова, В. В. Морковкина, Р. Халлига, В. фон Вартбурга, А. С. Аксамитова, Р. И. Яранцева, Т. В. Козловой и др., считаем целесообразным около 4000 фразеологических единиц с зоонимным компонентом разместить в следующих понятийных классах: 1 - неорганический мир; 2 - органический мир; 3 - человек как живое существо; 4 - человек как разумное существо; 5 - человек как общественное существо; 6 - абстрактные понятия и категории. Эти понятийные классы включают неодинаковое число (слева и справа) семантических групп и подгрупп, которые со своей стороны заполнены различным количеством включенных в них фразеологических единиц.

Принимаясь за такую работу, автор достаточно трезво учитывает ее трудности, но одновременно надеется, что «словарь зоонимной фразеологии» будет хотя бы «маленьким окошечком» в загадочном мире фразеологии, в частности болгарской и русской, придерживаясь мнения G. Matege, что «Словарь - не гербарий, не музей, не картинная галерея. В сознании народа словарь разом и живой организм, и домашний божок».

Свиридова А.В.
(Челябинск)

ОПЫТ СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ НЕ

Опыт словаря русских фразеологизмов с компонентом *НЕ* задумывается как словарь частного типа, в который включаются единицы с определенным структурно-семантическим компонентом, с одной стороны, и как словарь комплексного типа, представляющий ФЕ во всей сложности процесса фразеобразования и

антонимических системных отношений.

Касаясь объекта описания: основу словаря составят ФЕ почти всех семантико-грамматических классов, по классификации проф. А.М. Чепасовой. По предварительным подсчетам, словник словаря включает 700 единиц. Обратим внимание на отбор материала и структуру словарных статей. Словарь является только синхроническим описанием. В него, во-первых, войдут единицы, разрушающиеся структурно и семантически без компонента *НЕ*, типа **не отрывать глаз, не лыком шит, не оберешься, не мед**. Во-вторых, единицы, появившиеся на базе ФЕ такого же компонентного состава с помощью *НЕ*, типа **не сводить концы с концами (сводить концы с концами), не в силах (в силах), не к месту (к месту)**.

Критерии включения в словарь ФЕ второй группы состоят в следующем: 1) возможность идентифицирования индивидуальных значений словом или словосочетанием без отрицательной частицы *НЕ*, 2) несовпадение, полное или частичное, индивидуальных значений ФЕ, вступающих в экспликационные фразообразующие отношения, 3) количество значений у них, 4) степень абстрактности значения, 5) антонимичность или противоположный характером индивидуальных значений, 6) возможность образования внутренней омонимии форм (фразеологизмы с частицей-отрицанием *НЕ* не образуют многозначных качественно-обстоятельственных типа **не разбирать дороги** - «напористо, решительно, без обиняков действовать» - **не разбирая дороги** а) «быстро», б) «решительно»), 7) функционированием грамматических категорий вида и наклонения.

Словарная статья включает следующие параметры: а) заголовок в начальной форме, б) указание на принадлежность к семантико-грамматическому классу, в) толкование значений, г) иллюстративный материал, д) справочный аппарат. Статьи о ФЕ, находящихся в отношениях экспликации, должны помещаться одна за другой с целью демонстрации фразообразовательного процесса и содержать указания на антонимичность или частичную противоположность значений.

Складана Яна

(Словакия, Братислава)

ДИНАМИКА ФРАЗЕОЛОГИИ В ДИАХРОНИИ

Наше исследование посвящено вопросам исторической фразеологии. Основным направлением развития фразеологического фонда считается развитие отдельных фразем от свободных словосочетаний через этап их постепенной стабилизации вплоть до устойчивости. Данное развитие осуществляется двумя путями: путем метафоризации и путем обобщения. Рассматриваемый период мы понимаем как определенный срез языкового состояния из всего континуального развития нашего языка. В процессе фразеологизации играет большую роль изменение отдельных фразем в направлении от их вариантности, от большого числа вариантов, к устойчивости, к сохранению одного-двух, изредка большего числа вариантов. Эта закономерность является одной из основных тенденций во фразеологии.

В работе ставится задача подтвердить на основе структурной классификации избранной совокупности исторических фразем системность фразеологии в

плане диахронии. Далее поставлена задача проанализировать через вариантность фразем структурно-семантические модели, имеющие значение для исторической и современной фразеологии.

Автору удалось отразить динамическое развитие фразеологического состава языка. На протяжении всего анализа имеет место сопоставление фразеологического фонда рассматриваемого периода (на примере избранной совокупности фразем) с современным состоянием.

Кроме структурной классификации, нами сделана попытка построить и другие, исходящие из диахронной точки зрения. В итоге можно констатировать, что многие типы фразем имеют открытый или промежуточный характер.

С учетом диахронии мы должны отдельные классификации понимать в их диалектической взаимосвязи. На основе некоторых теоретических и методологических предпосылок предпринята попытка дать ответ на основные вопросы исторической фразеологии: установить тождество фразем, определить их границы и значение, причем в некоторых случаях это делается путем применения данных теоретических предпосылок к лексикографической обработке фразем в исторических словарях, в первую очередь, в Историческом словаре словацкого языка.

Слухай Т.А.
(Оренбург)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ГРАММАТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА БЕЛЫЙ СВЕТ

Фразеологический состав современного русского языка включает в себя большую группу ФЕ с компонентом - прилагательным. Из этой группы выделим подгруппу фразеологизмов с компонентом-прилагательным, обозначающим цвет. Она представлена 157 единицами, из них 31 - с прилагательным *белый*. Результаты нашего исследования покажем на примере ФЕ **белый свет**, являющейся самой частотной по употребляемости.

Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Молоткова предлагает два значения ФЕ **белый свет**: 1) окружающий мир, земля; 2) жизнь во всех ее проявлениях. Наш анализ употреблений позволяет выделить группу единиц со значением «человечество», а также со значением «утро».

ФЕ **белый свет** относится к предметному классу (по классификации А.М. Чепасовой), т.е. обозначает предмет в самом широком смысле.

Анализируемая единица построена по продуктивной модели (прил.+ сущ.) и является морфологически изменяемой. Обладает классификационной категорией рода, которая проявляется в формах согласования. ФЕ **белый свет** многозначна, ее значения передаются словами-идентификаторами разной родовой принадлежности («земля»- ж.р., «человечество», «утро»- с.р., «мир», «земной шар»- м.р.). ФЕ **белый свет** обладает формой только единственного числа, т.к. существительное «свет» является предельно широким понятием и единичным в языке. Предметную семантику оформляет и категория падежа. У фразеологизма **белый свет** самыми частотными оказались предложный, дательный, винительный падежи с

обстоятельственным значением.

В анализируемой единице наблюдаются разные типы варьирования: компонентное (**по белому свету - по свету**); лексическое (**по белому свету - по всему свету - по белу свету**); морфологическое (**по белому свету - по белу свету**).

ФЕ белый свет выступает в предложении в роли подлежащего, прямого дополнения, входит в состав сказуемого. Являясь часто употребляемой единицей, ФЕ функционирует в заголовках («Век назад на белом свете» Нов. поколение, 29.02.92).

Анализ ФЕ **белый свет** предполагает рассмотрение семантики прилагательного «белый» и самой ФЕ.

Слухай Т.А.
(Оренбург)

ФЕ С КОМПОНЕНТОМ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

ФЕ всегда использовались для заголовков или элементов заголовков газетных и журнальных статей. Это не приветствовалось цензурой и поэтому позволялось лишь некоторым изданиям. В последние годы свободы слова и печати, плюрализма мнений ФЕ часто можно встретить и в тексте, и в заголовках. Это и ФЕ, использованные в их закреплённом виде, отраженные в словарях, и измененные по воле автора, и нарождающиеся в языке идиомы.

Предмет нашего анализа - ФЕ, одним из компонентов которых является прилагательное, поэтому в своем большинстве это предметные ФЕ, т.е. соотносимые с существительным, и так же, как существительные, разные по синтаксической функции.

ФЕ, связанные с историческими, библейскими событиями, входят в состав заголовков («Ахиллесова пята экономики») или сами являются заголовком («Троянский конь»).

Если выбрать из наблюдаемой группы ФЕ с компонентом-прилагательным, обозначающим цвет, то можно заметить, что в заголовках чаще встречаются прилагательные *белый, черный, красный* (Черные дни «черного золота», Красный петух приходит утром, Те ли белые пятна?).

Частота употреблений ФЕ зависит от времени года (Белая, белая ночь...), политических событий (Гарри Каспаров нарушает комендантский час), праздников (С Новым годом!). Так, события октября 1991 г. значительно увеличили степень употребления ФЕ **Белый дом**. «Комсомольская правда» ежедневно в течение нескольких недель печатала материалы, заголовков которых включал ФЕ **Белый дом**.

Известно противоречие между раздельнооформленностью ФЕ и единством значения ее компонентов. Но в заголовках газетных статей это противоречие как бы снимается (Ср: *Маленькие тайны Белого дома* и *Отмоют ли дом до Белого?*).

Но в подавляющем большинстве употреблений ФЕ в заголовках их семантические и грамматические свойства сохраняются.

РОЛЬ ГЛАГОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В СОЗДАНИИ СЕМАНТИКИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ ОТНОШЕНИЯ

Глагольный компонент обязателен для всех процессуальных фразеологизмов, поскольку он создает общекатегориальное значение процессуальности. Однако состав глагольных компонентов и их фразообразующие возможности в каждой субкатегории процессуальных фразеологизмов имеют свою специфику. Объектом нашего исследования являются глагольные компоненты фразеологизмов субкатегории отношения. В образовании исследуемых фразеологизмов принимают участие 894 глагола, различных по семантике, по морфемному составу и грамматическим свойствам, например: болеть, блюсти, бросать, разбрасывать, жать, преподнести, чаять, проникнуться, уколоть, окинуть, напиться, сваливаться, завладевать и др.

Из 894 глаголов непроизводных оказалось только 32: бить, быть, дать, вить, везти, вести, влечь, гнуть, грызть, есть, жечь, жать, жить, идти, красть, клясть, крыть, лечь, класть, лезть, мыть, найти, нести, пить, петь, ползти, пасть, стричь, спасти, сесть, стать, трясти. Остальные глаголы производны при помощи префиксов, суффиксов, постфиксов и конфиксов. Непроизводные глаголы, образующие фразеологизмы отношения, семантически разнообразны. Они могут обозначать деятельность (пить, петь, пасть), состояние (жить, быть, стать) и отношение (спасти). Но в составе фразеологических единиц они преобразуют лексическую субкатегориальную семантику деятельности и состояния в субкатегориальную фразеологическую семантику отношения. Совпадение лексической субкатегориальности семантики и фразеологической субкатегориальности семантики в процессе фразеологизации наблюдается чрезвычайно редко.

Глаголы, участвующие в образовании фразеологизмов субкатегории отношения, произведены от 245 корней, самыми продуктивными из которых являются *да(ть)*, *вес(ти)*, *ид(ти)*. Например, от производящей основы *да(ть)* образуются следующие глагольные компоненты: *давать* (**давать интервью**), *возда(ть)* (**возда(ть) славу**), *выда(ть)* (**выда(ть) за чистую монету**), *зада(ть)* (**зада(ть) взбучку**), *отда(ть)* (**отда(ть) под опеку**), *обда(ть)* (**обда(ть) грязью**) и др.

В составе глагольных компонентов фразеологизмов субкатегории отношения вычленяется 20 приставок: *в-*, *вы-*, *вс-*, *до-*, *за-*, *ис-*, *на-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *пре-*, *пред-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*, с помощью которых сформировано 732 приставочных глагола. Самой продуктивной является приставка *с-* (*со-*, *сь-*): *сб(ить)* (**сб(ить) со следа**), *сброс(ить)* (**сброс(ить) с плеч**), *сб(ыть)* (**сб(ыть) с рук**), *свес(ти)* (**свес(ти) дружбу**), *связа(ть)* (**связа(ть) узами Гименея**), *согну(ть)* (**согну(ть) в бараний рог**), *связа(ть)* (**связа(ть) по шее**) и др. Всего 85 глаголов.

Приставочные образования глагольных компонентов создаются двумя путями. Во-первых, приставка добавляется к глаголу в свободных словосочетаниях и приходит во фразеологизм в составе глагольного компонента, например, *выр(вать)* (**выр(вать) из лап**), *зада(ть)* (**зада(ть) трепку**), *ввод(ить)* (**ввод(ить) в заблуждение**), *возлож(ить)* (**возлож(ить) надежды**), *восстанавл(ивать)* (**восстанавл(ивать)**

вать в должности) и др. Во-вторых, приставка может присоединиться уже к готовому фразеологизму, тогда в речи функционирует деривационная пара, например, **лезть в спор / полезть в спор, клеймить позором / заклеить позором, класть на лопатки / положить на лопатки, хватать за горло / схватить за горло, мыть косточки / перемыть косточки** и др. В первом случае приставку следует считать обязательным фразеобразовательным компонентом фразеологизма, а во втором – приставка создает модификацию способа глагольного действия, выраженного фразеологизмом.

821 глагольный компонент фразеологизмов субкатегории отношения образуется при помощи 8 суффиксов. 6 из них являются суффиксами несовершенного вида. Это такие суффиксы, как **-а-** (**бросаться на шею, венчать лаврами, делать предложение, загонять в угол, искать примирения, лизать пятки** и др.), **-е-** (**видеть насквозь, висеть на хвосте, вертеться перед носом, иметь зуб, смотреть в рот** и др.), **-ва-** (**сживать со свету, задевать интересы, набивать морду, отдавать сердце, подавать руку помощи** и др.), **-ива-/-ыва-** (**вздергивать на дыбу, вмешиваться в жизнь, загораживать дорогу, испытывать уважение, наклеивать ярлык** и др.), **-ова-/-ева-** (**голосовать обеими руками за, завладевать вниманием, чувствовать расположение** и др.), **-о-** (**уколоть взглядом**).

Суффиксов совершенного вида, с помощью которых образуются глагольные компоненты фразеологизмов, два: **-ну-** (**затронуть интересы, щелкнуть по носу, ткнуть в нос, поминуть добрым словом** и др.), **-и-** (**бросить в лицо, встретить с распростертыми объятиями, вменить в вину** и др.). Некоторые глаголы с суффиксами **-и-** и **-ну-** остаются в пределах категории несовершенного вида, например, **бередить душу, валить вину, делить радость, виснуть на шее, тянуть за язык** и др. Следовательно, суффиксы несовершенного вида принимают более активное участие в формировании фразеологизмов субкатегории отношения.

Подавляющее большинство глагольных компонентов во фразеологизмах субкатегории отношения являются невозвратными. Из 821 подобного глагола часть с **-ся** не употребляется, например, **быть в споре, жить на ножах, падать к ногам, сулить посулы, торчать над душой** и др. Другая часть невозвратных глаголов может быть употреблена с **-ся** либо для образования залоговых форм (**вменить в обязанность, вменяется в обязанность**), либо для формирования новых фразеологизмов (**предать смерти, предаться воспоминаниям**).

В создании фразеологизмов субкатегории отношения участвуют 73 возвратных глагола. Из них 44 без **-ся** не употребляются (**не годиться в подметки, покусаться на жизнь, пользоваться покровительством** и др.). 29 глаголов с **-ся** употребляются, но при этом либо изменяется залог (**свалить с шеи, свалиться с шеи**), либо значение фразеологизма (**навязать свою волю, навязаться на голову**).

Соловьева А. Д.
(Челябинск)

ДВА ТИПА ДИНАМИЗМА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ В. М.ШУКШИНА

Анализ языковой системы одного автора может внести дополнительные характеристики в изучение процессов современной фразеологии. Задача данной

работы — выявить своеобразие динамических процессов во фразеологическом составе произведений В. М. Шукшина.

Первый тип динамизма представлен примерами трансформаций, при которых не изменяется значение фразеологической единицы: всеми видами варьирования, сокращением и расширением компонентного состава. ФЕ, имеющие инвариантную и варианты формы, в языке В. Шукшина употребляются: а) только в вариантных формах, например, **визгу/хаю не оберешься** (нет употребления инварианта **крику не оберешься**); б) у вариантов — большая частотность употребления, чем у инвариантной формы.

Инварианты употребляются преимущественно в авторской речи, меньшая их часть — в речи персонажей с определенным уровнем образования и речевой культуры. Трансформированные единицы более частотны в конструкциях с чужой речью: инвариант **без передышки** употреблен в авторской речи, вариант **без передыху** — в прямой и косвенной речи; инвариант **по пьяному делу** — в авторской речи, вариант **по пьянке** — в прямой речи. Инвариантная ФЕ содержит оценочную сему общего характера — общеположительную или общеполотрицательную. Варианты ФЕ в тексте конкретизируют оценочность: инвариант **прикидываться дурачком** в значении «хитрить, притворяться» содержит общеполотрицательную характеристику поведения человека, вариант **Ванькой прикинуться** обнаруживает дополнительную сему иронии, необходимой насмешки.

Наиболее активный вид варьирования — компонентный — часто совмещается с другими видами, в том числе с изменением порядка следования компонентов: актуализированный грамматически зависимый компонент вносит дополнительную сему экспрессивности: инвариант **сердце чует**, варианты **чует/вещует сердце** — **чует сердечушко** — **как сердце чуяло**.

Второй тип динамизма представлен значительным количеством примеров трансформаций, в результате которых сформировались новые фразеологические единицы, сохранившие принадлежность к типу семантики, что и у исходной единицы, и перешедшие в другой семантико-грамматический класс. Трансформации этого типа часто сопровождаются варьированием. Основой формирования нового значения являются: 1) синонимия и другие системные отношения фразообразующего компонента в его свободном употреблении: **в нос тыкать** «демонстративно, назойливо показывать, доказывать» — **в нос ширять** «побуждать к активным действиям»; **висеть дамковым мечом** — **топором висеть** «торопить, подталкивать к активным действиям»; 2) расширение компонентного состава (экспликация) за счет глагола, с которым сочетается в тексте исходная ФЕ: **общие фразы** — **выскочить на общие фразы** «писать на общеизвестные, избитые темы»; 3) эллипсис глагольного компонента: **в ответе оказаться** — **в ответе, встать на дыбы** — **на дыбошки**; 4) сохранение компонентного состава с закреплением в нем нового значения. Значительное количество омонимичных ФЕ формируется на основе разного ситуативного содержания мимических и жестовых действий: **губы распусть**¹ «поддаться уговорам» и **губы распусть**² «обидно высмеивать, ехидничать». Каждый из омонимов может иметь закрепленный порядок следования компонентов: **заламывать руки** «принуждать к чему-л.» и **руки заламывать** «восторгаться чем-л.»; 5) контаминация исходных ФЕ с закреплением нового значения: **биться лбом об стену** — **бить поклоны** — **биться лбом**

в поклонах «сохранять ложные, отжившие убеждения».

В произведениях В. Шукшина исходные единицы употребляются реже или вовсе отсутствуют. ФЕ с новым содержанием употребляются преимущественно в речи персонажей и в публицистике. Создание новых единиц отвечало потребности автора отстаивать свои эстетические и литературные позиции нешаблонными языковыми средствами; в художественных текстах новые единицы выполняют функции самохарактеристики персонажа и авторской оценки персонажей.

Тарасенкова О.В.
(Кострома)

СИСТЕМНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Вопрос о выделении фразеологических конфигураций в художественной речи требует четкого определения их структуры, границ и особенностей их взаимодействия в художественном тексте. Вслед за А.В.Куниным мы дифференцируем структурно-семантические преобразования, выделяя конфигурации разной степени окказиональности и близости / удаленности от инварианта.

С точки зрения взаимодействия с контекстом они делятся на 1) служащие семантизации, определению смыслового содержания фразеологических единиц в контексте и 2) реализующие стилистический контекст, служащие определению видоизменений семантико-стилистической тональности фразеологизмов.

Фразеологические конфигурации являются важным структурным звеном художественного текста. Их структура включает в себя языковую форму ФЕ, характер ее преобразования и особенности взаимодействия с текстом, а также синтаксическую структуру текста, характер ее влияния на преобразование ФЕ.

Они взаимодействуют с текстом как в синтагматическом, так и в парадигматическом плане. Синтагматические связи выражаются в особенностях их синтаксической структуры, типах синтаксической организации, способах взаимодействия в тексте.

В то же время выявляется сложная парадигматика фразеологических конфигураций в тексте. Она имеет разнообразные проявления: прежде всего синонимия в разнообразных фразеонаборах, сериях ФЕ, смысловое взаимодействие конструкций, созданных по моделям.

Таким образом, системность фразеологических конфигураций проявляется в художественном тексте в наличии их синтагматических связей с элементами текста и парадигматических связей. В этом заключается одна из важнейших закономерностей их функционирования в тексте, а следовательно, проявляется их текстообразующая роль, которая требует специального изучения.

Смакотина Т.М.
(Курган)

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В синтаксисе сложного предложения особое место занимают фразеологически связанные конструкции. Значение фразеологизированных сложных предложений не вытекает непосредственно из значения оформляющих эти предложения союзных средств. Они имеют ряд структурных и логических ограничений, не свойственных предложениям свободной структуры. Анализ семантико-прагматического содержания фразеологизированных сложных предложений выявляет их прагматическую направленность, тесную зависимость от участников коммуникации.

Сложные предложения с условным союзом *if* в современном английском языке представляют собой благодатную сферу для фразеологизированных построений. Рассматриваемые в докладе две разновидности сложных предложений с условным союзом дополняют список представленных в литературе фразеологизированных конструкций. Общим для обеих разновидностей является десемантизация условного союза, который становится элементом устойчивой единицы.

1. Экспрессивно-выделительные сложные предложения с союзом *if*.

If there's one thing I pride myself on, it's my tact (Maugham).

Предложения двухчастны по структуре, но семантически эквивалентны простым предложениям: **I pride myself on my tact**. Выделительная функция основана здесь на контрасте, который создается расщеплением синтаксической структуры предложения на две части. Коммуникативно значимая, рематическая часть выносится в конечную позицию и тем самым акцентируется. Конструкция характеризуется позиционной стабильностью. Выделительная функция поддерживается соотношением содержания частей сложного предложения, как соотношением общего и частного, что находит отражение в специфике лексического наполнения.

2. Субъективно-оценочные сложные предложения с союзом *if*.

If that is a wonderful voice then I am Gregory Peck (Wesker).

Формально главное предложение семантически эквивалентно модальным словам со значением уверенности. Сложное предложение в целом выполняет функцию экспрессивного утверждения/отрицания: **Certainly, that is not a wonderful voice**. Значение главного предложения немотивированно. Его идиоматизация подтверждается тем, что оно может быть представлено фразеологической единицей с модальным значением, либо взаимозаменяемо с модальными фразеологическими единицами: **I'll eat my hat, I'll eat my umbrella, I'll be damned, I'll be hanged**.

Туркина Б.В.
(Курган)

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПУНКТУАЦИЯ

Употребление знаков препинания при устойчивых сочетаниях слов – одно из уязвимых мест русской пунктуации.

В ныне действующих «Правилах русской орфографии и пунктуации» нет специального раздела, посвященного постановке знаков препинания при фразеологизмах, а говорится об этом большей частью в примечаниях. Многие вопросы остаются спорными и нерешенными, порождая тем самым неоправданный разницей в пунктуации при фразеологизмах. Это находит свое отражение не только в практике современного письма, но и в лингвистических словарях. Разнобой в постановке знаков препинания наблюдаем в Словаре современного русского литературного языка в 17 томах, во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова: ни дна, ни покрывки – ни дна ни покрывки; идти, как по маслу – идти как по маслу; врет, как сивый мерин – врет как сивый мерин.

Современное письмо, естественно, отражает ту же непоследовательность. Однако в последние годы наметилась тенденция вообще не употреблять знаки препинания при фразеологизмах. Она вытекает из самой сущности фразеологизмов. Известно, что фразеологизмы возникают в языке в результате переосмысления свободных словосочетаний, и постановка знаков препинания воссоздает признаки входящих в него слов, искусственно воскрешая этимологический источник фразеологизма.

Запятая может быть употреблена в тех случаях, когда компоненты фразеологизма соединяются без союза (кто в лес, кто по дрова); противительным союзом (не за страх, а за совесть; не на жизнь, а на смерть); повторяющимся союзом то – то, да – да, либо – либо, хоть – хоть (то так, то этак; тишь, да гладь, да бояжья благодать).

Фразеологизмы, этимологически относящиеся к сочетанию однородных членов или предложений, если их компоненты соединены повторяющимися союзами ни – ни, и – и, обычно пишутся без запятой (ни богу свечка ни черту кочерга; ни к селу ни к городу; ни жив ни мертв; ни днем ни ночью; и в хвост и в гриву; и стар и мал).

Употребление запятой на стыке фразеологизма с другими словами возможно в том случае, если фразеологизм соотносится с деепричастным оборотом, сравнительным оборотом или придаточным предложением. Но и здесь возможны два варианта.

Первый вариант связан с отсутствием соотнесенности фразеологизма со свободным словосочетанием, поэтому запятая в таких оборотах отсутствует (очертя голову; как живые; хоть разорвись; как по маслу; как осинный лист; как баран на новые ворота; как ветром сдуло; хоть шаром покати).

В то же время некоторые фразеологизмы не утратили связи со свободными словосочетаниями, в таком случае возможно обособление (как назло; как в раю, как ни верти, как черт от ладана).

Употребление знаков препинания при фразеологизмах иногда можно объяснить особыми причинами: интонационно-смысловым обособлением, употреблением фразеологизма в функции уточняющего члена предложения.

*Усачева Н.Б., Усачев Е.В.
(Курган)*

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Системные отношения процессуальных фразеологизмов в современной лингвистике недостаточно исследованы. По этой теме существуют многочисленные монографии, статьи, исследования (работы М.И. Сидоренко, В.Л. Архангельского, А.М. Чепасовой, В.П. Жукова, А.М. Эмировой, М.М. Копыленко и мн. др.), но в то же время остается немало нерешенных проблем, нереализованных задач. Не определены понятия синонимический ряд, доминанта синонимического ряда, не разграничены четко фразеологические синонимы и варианты, нет полного и достаточного описания синонимов по всем семантико-грамматическим разрядам слов и фразеологизмов, не проанализированы субкатегориальная отнесенность фразеологических синонимов, в современной лингвистической науке нет описания фразеологических синонимов в зависимости от групповых сем фразеологических единиц, отсутствуют исследования, описывающие функционирование фразеологических синонимов внутри фразообразовательных систем.

Предметом нашего исследования являются процессуальные синонимы (глаголы и процессуальные фразеологические единицы). Синонимическими отношениями охватываются все субкатегории исследуемого семантико-грамматического класса (деятельности, состояния и отношения). В докладе охарактеризованы синонимические ряды всех групп, входящих в названные субкатегории. Они насчитывают разное количество членов, от двух до пятидесяти.

В результате исследования мы пришли к необходимости разграничивать однокорневые (мочь – иметь возможность – получить возможность – дать возможность) и разнокорневые (разрушиться – рассыпаться в прах – полететь кувырком – пойти прахом – сойти на нет – полететь к черту – перевернуться вверх тормашками).

*Усачева Н.Б.
(Курган)*

О СЛОВАРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *ИМЕТЬ*

Актуальная проблема современной фразеографии – создание автономных частных фразеологических словарей. Единицы, входящие в такие словари, могут быть вычленены по разным критериям: на основании общности семантики, грамматических признаков, структурных особенностей, компонентного состава и т.д. Нам представляется целесообразным создание автономного толкового словаря, включающего в себя все фразеологические единицы с компонентом *ИМЕТЬ* (то терминологии В.В. Виноградова, фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания). Материал в словаре должен располагаться в алфавитном порядке. В словарную статью могут входить следующие

щие элементы:

1. Стилистические пометы.
2. Грамматические пометы.
3. Толкование значения фразеологизма.
4. Семантическая характеристика:

а/ номинативный или релятивный,

б/ у номинативных - обозначает деятельность, состояние или отношение; у релятивных - имеет рациональную или эмоциональную оценку;

в/ принадлежность к той или иной семантической группе;

г/ объектный или безобъектный характер;

д/ субъектная характеристика (субъектно-личный, субъектно-предметный, двусубъектный или бессубъектный).

5. Иллюстративный материал (использование фразеологической единицы в текстах художественной, публицистической литературы, в разговорной речи).

6. Синонимические и антонимические отношения, в которые вступает данный фразеологизм.

Как нам представляется, такой словарь мог бы послужить хорошим справочником для всех изучающих русский язык и пользующихся русским языком как родным или иностранным.

Федорова В.П.
(Курган)

ИЗ ДВЕРЕЙ В ДВЕРИ

Когда встанет царь-солнце

На божьем небе,

И я поднимусь, раб божий (имя),

Помолясь, пойду, благословясь,

Из избы – в двери,

Из дверей – во широк двор,

Из широкого двора – да во чисто поле.

Из заговора. Архив кафедры литературы КГУ, коллекция «Заговоры», №53.

Встану я, рабица божия (имя),

Благословясь, пойду, перекрестясь,

Из дверей в двери,

Из ворот в ворота

В восточную сторону –

На океян-море...

Коллекция «Заговоры», № 110.

Фразеологизм **из дверей в двери**, характерный для заговоров, позволяет исследовать мифологические воззрения на строение мироздания и место человека во вселенной.

Названный фразеологизм означает границу между *своим миром* и *миром чужим*. Наряду с окном, дверью, порогом и забором двери (ворота также) стали

символом этой границы, восходящий к мифологическим представлениям.

В заговорах двери и ворота (широкий двор) – те две охранительные линии дома-жилища, в центре которого находятся человек, семья, какое-либо человеческое объединение. Итак, образ «двери-дом» по своей внутренней композиции подчинен известной троичности. Образ означенной границы построен по принципу ступенчатого сужения, если исходить из внешней опасности: ворота – дверь – дом. В доме опасность наименьшая. Наши материалы дают основание утверждать, что заговорная формула, вобравшая фразеологизм, подчинена общефольклорным закономерностям.

Исследуемый фразеологизм вводит в проблему строения мироздания, созданного мифологическим мышлением. Подобно сказочному эпосу заговор называет два мира: свой и чужой. Свой замкнут воротами, дверями, домом. Чужой мир – широкое пространство, в котором доброжелательной стороной представлен восток, сторона восхода солнца. Строение восточной стороны тоже трехчленно: заговаривающий идет к морю-океану – апостольской церкви – золотому престолу Богородицы, у которой испрашивается помощь больному ребенку: снять с него «все скорби, болезни, уроки, призоры, щепотище-ломотище, позевотище» («Заговоры», № 110) или «двенадцать родимцев, двенадцать родимчиков: костовой и мозговой, заболонный и жиленный, трясучий, палючий, ломучий, дергучий, тягучий, ревливый, дремливый, сикливый, хохотливый, огненный».

Широкое пространство чужого мира – не хаос. Оно тоже ограничено дверями, воротами, доступными для проникновения из человеческого дома.

Судя по заговорам, два мира противопоставлены, но едины. Подобное противопоставление входило в мифологическую модель мышления.

Чужой мир наполнен опасностью, для преодоления которой есть одно средство: молитва и благословение божие.

Заговоры с фразеологизмом **из дверей в двери** – добротная основа для исследования двоеверия и развития самого жанра заговоров. Вероятно, в поздних заговорах на зло, приворожках, отворожках появляется формула: «Встану, не благословясь, пойду, не перекрестясь, из дверей в двери»... Заклинатель, вероятно, не мыслит объединение божьего слова с небожьем делом.

Этнография народов Европы, восточных славян, русских, материалы, записанные в Зауралье, позволяют отметить разнообразие обрядов, примет, связанных с сакрализацией дверей – границы. В частности, в Яльме Притобольного района Курганской области сохранились отголоски жертвоприношения и культа предков. Участникам свадьбы подается по рюмке спиртного перед порогом дома жениха у ворот. Часть спиртного выливается у приворотного столба (архив автора). По всем селам Шатровского района до конца тридцатых годов во время эпидемий возжигали костры от «живого огня» у всех домов с целью изгнания болезни. В Каргапольском районе закапывали под воротами вверх ногами погибшее молодое животное, когда наступал повальный мор скота.

Двери – объект особого охранения от нечистой силы. Перед Крещением по всему Зауралью наносились кресты. Стали они наноситься и сейчас.

Сакральность дверей раскрывается в лечебных заговорах. Известен заговор от бессонницы: через ручку дверей ополаскивают ложки, водой умывают и поят больного, призывая «мать пресвятую богородицу» отвести от ребенка «уроки, переполохи, азевища, худые думы человеческие».

Филоненко Т.М.
(Магнитогорск)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА

Богатые экспрессивно-эмоциональные возможности фразеологических единиц (**непечатый край, разливанное море, чертова пропасть, полная чаша, хоть пруд пруди** и др.) прежде всего связаны с внутренней формой фразеологизмов, фразеологическим образом, являющимся доминантой в многокомпонентной структуре фразеологического значения.

Фразеологическое значение состоит из следующих компонентов: сигнификативного, денотативного, структурного, коннотативного, культурно-национального.

Компонент сигнификативный выражает обобщенно-понятийное содержание, свойственное фразеологизму. ФЕ **беда/страх/ужас сколько** (прост.) имеет значение «немерно много, очень много», чаще всего характеризует неопределенно большое количество отрицательных эмоций.

Компонент денотативный на основе сигнификативного содержания соотносит фразеологизмы с предметами и явлениями реальной действительности (**целый короб, с три короба**).

Компонент коннотативный является самым сложным, охватывает образно-экспрессивные, эмоциональные и оценочные возможности фразеологизма. Структуро-образующим фактором коннотативного компонента является внутренняя форма ФЕ, фразеологический образ. Фразеологизмы **шагу негде ступить, яблоку негде упасть, иголку негде воткнуть** имеют два значения, которые непосредственно связаны с фразеологическим образом: «очень много, в огромном количестве»; «очень тесно».

Словесный комплекс-прототип ФЕ **шагу негде ступить** состоит из трех слов, так же, как и ФЕ **иголку негде воткнуть** и **яблоку негде упасть**. Эти фразеологизмы объединяет то, что их слова-компоненты обладают конкретным значением: иголка, яблоко, шаг (иголка - предмет очень маленький, места, чтобы ее воткнуть, нужно немного, поэтому ФЕ **иголку негде воткнуть** выражает представление фактически о полном отсутствии пространства). Представление о необычайно тесноте, связанной с предельной ограниченностью пространства вследствие огромного скопления людей, вызывает отрицательные эмоции.

Таким образом, мы видим, что внутренняя форма ФЕ взаимодействует с актуальным значением фразеологизма.

Фокина М. А.
(Кострома)

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЙ В РОМАНЕ В. МАКСИМОВА «КОВЧЕГ ДЛЯ НЕЗВАННЫХ»

Фразеологические конфигурации, состоящие из фразеологизма (или фразеонабора) и контекстного окружения, в романе Владимира Максимова, известного

прозаика и публициста, чаще всего представляют собой сверхфразовые единства, которые активно взаимодействуют по смыслу, образуя обширные текстовые парадигмы.

В ходе анализа текста художественного произведения было выявлено, что ряд фразеологических конфигураций объединяется в семантическое целое образом одного персонажа. Автор показывает развитие героя, передает динамику образа с помощью ключевых фразеологизмов, являющихся смысловыми доминантами романа. Например, в описании важных этапов жизненного пути Ильи Золотарева, партийного чиновника-карьериста, писатель использует такие конфигурации, в которые включены семантически сближенные фразеологические единицы, последовательно передающие деградацию героя, процесс его нравственного падения: **пуститься по привычной наклонной - жечь мосты - превратиться в прах - двинуться по наклонной плоскости и др.**

В рассматриваемых фразеологических контекстах прослеживаются контактные (внутри конфигурации) и дистантные (между конфигурациями) семантические взаимодействия устойчивых оборотов и языковых единиц других уровней: лексического, морфологического и синтаксического. Автор широко использует параллельные синтаксические конструкции, а также лексические, словообразовательные и семантико-синтаксические повторы, которые содержат синонимы и создают градацию: **видеть в простоте, без дела, корысти, задней мысли; он уйдет, исчезнет, превратится в прах, в пыль, в пепел, не оставив после себя ни следа, ни памяти и т. д.** Смысловые корреляты фразеологизмов раскрывают, усиливают, актуализируют их смысл в контексте.

Фразеологические конфигурации в романе В. Максимова выполняют сюжетобразующую и текстообразующую функции, активно участвуя в создании смысловой целостности текста.

Хазанов И.Я.
(Курган)

О ПОНЯТИИ «СЛОВОФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

При изучении фразеологизмов с компонентами, называемыми размер и форму, нами установлено, что большинство членов словообразовательных гнезд исследуемых компонентов не участвует во фразеобразовании. Эта закономерность характерна для словообразовательных гнезд компонентов различных семантических групп. Так, по данным «Словообразовательного словаря» Тихонова А.Н., прилагательное «широкий» образует словообразовательное гнездо из 116 членов, но лишь 4 члена способны образовать фразеологизмы: «широкий» (**широкий жест, широкая натура**), «широко» (**широко жить, широко раскрыть глаза**), «ширина» (**во всю ширину**), «широта» (**широта мышления**). Поэтому мы предлагаем ввести в научный оборот новое понятие - «словофразеобразовательное гнездо». Это обладающее суммарной фразеобразовательной активностью усечённое словообразовательное гнездо, членами которого являются слова, способ-

ные образовать фразеологизмы. Так, словофразообразовательное гнездо (далее с.-ф. гнездо), во главе которого стоит прилагательное «широкий», состоит из 4 вышеуказанных слов-компонентов, фразообразовательная активность которых в сумме даёт фразообразовательную активность всего гнезда.

Введение понятия «с.-ф. гнездо» позволяет исследовать слова-компоненты по 3 параметрам: семантическому, словообразовательному и грамматическому. Это понятие может использоваться при изучении слов-компонентов различных семантических групп, что должно способствовать признанию его большинством фразеологов. Мы предлагаем исследовать с.-ф. гнёзда слов-компонентов любой семантической группы по следующим направлениям:

- семантические и грамматические свойства слов-членов с.-ф. гнезда, влияние этих свойств на фразообразовательную активность компонентов;
- фразообразовательная активность каждого члена гнезда и суммарная фразообразовательная активность с.-ф. гнезда;
- сопоставление суммарной фразообразовательной активности с.-ф. гнёзд компонентов разных семантических групп.

Сопоставление и сравнение фразообразовательной активности с.-ф. гнёзд компонентов разных семантических групп позволяет глубже проникнуть в механизм фразообразования.

Халитова Н.Р.
(Омск)

ПРИЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» В. ШАЛАМОВА

В «Колымских рассказах» В. Шаламова устойчивых словесных комплексов (УСК) немного (200 единиц). Шаламов отрицал художественность своей прозы. Тем более становятся интересными случаи их ocasionального употребления. Среди известных приемов преобразований УСК в «Колымских рассказах» нами обнаружены следующие:

1. Экспликация - включение в состав УСК новых компонентов. В большинстве случаев это лексема «лагерный»: старый лагерный волк, правда лагерной жизни, нива лагерного просвещения, мало каши лагерной есть. Эксплицированными являются выражения: «чистое искусство» кражи, кривое зеркало лагерной жизни.

2. Моделирование. По модели шекспировского «быть или не быть» Шаламов создает лагерное выражение «жить или не жить».

3. Контаминация: стереть с лица земли + оставить (свой) след на земле = стереть свой след с лица земли; первая ласточка + одна ласточка весны не делает = первая ласточка, которая обязательно сделает весну.

4. Эллипсис. В «Колымских рассказах» обнаружен случай отсечения однородного члена при сочинительной связи: кисельные берега (из «молочные реки [и] кисельные берега»), а также опущение части пословицы, осложненное лексической заменой: принимать не по одежке (из «встречают по одежке, а провожают по уму»).

5. Лексическая замена: Шаламов заменяет в обороте «каинова печать» компонент «печать» на синоним «клеймо», создавая фразеологическую единицу (ФЕ) каиново клеймо.

6. Погружение ФЕ в необычный контекст: ФЕ высокого стиля «бросить вызов» Шаламов ставит рядом с канцеляризмом «бухгалтер».

Анализ индивидуально - авторских трансформаций УСК в «Колымских рассказах» В. Шаламова выявил такие виды преобразований, как контаминация, экспликация, лексическая замена, моделирование, эллипсис и погружение ФЕ в необычный контекст. В результате этих преобразований УСК изменяются в экспрессивно - смысловом плане, обусловленном мировоззрением и стилем автора, идейно - художественным содержанием произведения.

Харлова Н.М.
(Шадринск)

ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Функционирование глагольного компонента в составе фразеологических единиц модели «глагол + зависимый субстантивный компонент со значением прямого объекта» не ограничивается лишь личными формами. Возможно употребление причастных форм. Между глагольными формами - причастиями и причастными формами глагольных фразеологизмов наблюдается как некоторое сходство /лексико-грамматическое значение действия и значение собственно-определятельное, грамматические категории глагола и прилагательного, так и определенные различия (особенности реализации членов причастной и фразеологической парадигмы).

От большинства глагольных компонентов фразеологических единиц рассматриваемого типа свободно образуются причастные формы: ...может быть, стоит подумать о «Знамени». Редакция противная, **ВЫМАТЫВАЮЩАЯ** у автора **КИШКИ**, но ведь журнал-то приличный /В. Астафьев. Зрячий посох/. И делая исключение для отца и матери, Миша постепенно преисполнялся презрением к взрослому, **ЗАВАРИВШИМ КАШУ**, которую они не в силах расхлебать. /Б. Пастернак. Доктор Живаго/.

Учитывая закономерности реализации причастных парадигм, ФЕ модели «глагол + зависимый субстантивный компонент со значением прямого объекта» можно подразделить на следующие группы:

1. Имеющие парадигму спряжения и полную причастную парадигму /с грамматическими ограничениями, связанными с особенностями вида и залога глагольного компонента: **ДЕЛАТЬ ЧЕСТЬ /ДЕЛАЮЩИЙ ЧЕСТЬ, ДЕЛАВШИЙ ЧЕСТЬ/, ЛОМАТЬ КОПЬЯ /ЛОМАЮЩИЙ КОПЬЯ, ЛОМАВШИЙ КОПЬЯ/, ПУСКАТЬ ПЕТУХА /ПУСКАЮЩИЙ ПЕТУХА, ПУСТИВШИЙ ПЕТУХА, ПЕТУХ ПУЩЕН/.**

2. Имеющие глагольную парадигму и неполную причастную парадигму /образующие лишь отдельные причастные формы: **ВЕСТИ СЕБЯ /ВЕДУЩИЙ СЕБЯ,**

ВИДАТЬ ВИДЫ /ВИДАВШИЙ ВИДЫ.

3. Имеющие ограниченную глагольную парадигму и не образующие причастных форм: ДАЙ СРОК, НАШЕЛ ДУРАКА, НЕ ДЕТЕЙ КРЕСТИТЬ, КОСТЕЙ НЕ СОБЕРЕШЬ.

4. Имеющие только причастные формы и не имеющие парадигмы спряжения. К этой группе относится лишь один фразеологизм анализируемой структурной организации: НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА.

Чепасова А.М.
(Челябинск)

ДИНАМИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В конце века естественна мысль о подведении некоторых итогов более чем полувекового изучения фразеологизмов и некоторых итогов создания новой отрасли языкознания. За время, прошедшее с 1946 года, многое прояснилось - определена основная единица науки, выявлены существенные семантические и грамматические свойства и признаки фразеологизма, систематизирован корпус фразеологизмов, обнаружены взаимоотношения и связи между фразеологией, с одной стороны, и лексикологией, семасиологией, грамматикой, с другой. Созданы различные типы фразеологических справочников, которые все еще называются «словарями». Однако фразеологам до сих пор нет «ни сна, ни отдыха» потому, что начавшееся в языкознании вообще и во фразеологии в частности исследование функционирования фразеологизмов в речи показало, во-первых, что эти единицы - обязательные и нередкие компоненты всякой речи - разговорной устной и книжной литературной и, во-вторых, при своей формальной и семантической устойчивости они динамичны в такой высокой степени, границы которой нам, ученым, трудно себе представить.

В докладе характеризуются проявления динамизма фразеологизмов, которые вкратце перечисляются в тезисах.

1. Формирование нового значения на фоне семантической устойчивости первого или единственного значения (**круглый стол** - “обсуждение сложной проблемы, участники которого равноправны”, формируется значение - “внешне равноправное положение участников обсуждения при фактической капитуляции одной из сторон”). То же явление во фразеологизме **пятая колонна**.

2. Обновление компонентного состава фразеологизма в речи (вместо **несть числа - нет числа**: вместо **днем с огнем** - **днем с прожектором**; вместо **бразды правления - бразды управления**; вместо **сотрясение воздуха - сотрясение воздуха**; вместо **каинова печать - каинowo клеймо**).

3. Параллельное существование в языке фразеологизма и слова, образованного на его основе (**пустопорожний** из **переливать из пустого в порожнее**, **потусторонний** из **по ту сторону**, **сиюминутно**., **сиюминутный** из **сию минуту**, **пустословие** из **пустые слова**, **шапкозакидательство**, **шапкозакидательное** из **закидать шапками**, **попутно**, **попутный**, **попутчик** из **по пути**; **криводушие** из **кривить душой**, **круглостольный** из **круглый стол**, **всамделишный** из **в самом деле**, **сумасшед-**

ший, сумасшествие, сумасшедшинка из *сходить/сойти с ума, нитонисемное* из *ни то ни се, «пяतिकолонновцы»* из *пятая колонна, подковерный* из *под ковром*. В названном явлении обращает на себя внимание то, что одни из лексем, например *кровопролитие*, образовались еще в XII веке, другие - например «*пяतिकолонновцы*», *подковерный* - в XX веке; одни из лексем уже стали общеупотребительными, например *низкопробный, подручный, своевременный*, а другие остаются пока неологизмами и неизвестно, войдут ли они в общенародный лексический фонд (ср. *нитонисемность* (Л.Н. Толстой), *ad hoc' овость* (Ю.Н. Караулов).

4. Особенно отчетливо динамизм фразеологизмов проявляется в многообразном варьировании. Назову здесь некоторые ряды.

Коротко говоря - короче говоря – короче.

Переваливать с больной головы на здоровую - валить с больной головы на здоровую - свалить с больной головы на здоровую - с больной головы на здоровую - с больной головы...

Сам(а) не свой (своя) - не свой (своя).

Отрезанный ломоть. - Отрезанный.

Нести крест - нести свой крест - нести на своих плечах свой крест.

Держать ухо остро - ...ухо остро.

(2 часа) тому назад - (2 часа) *назад...*, *может быть – может.*

Не мытьем так катаньем - мытьем и катаньем - мытьем, катаньем. Само собой разумеется (разумеющийся) - само собой...

5. Фразеологизмы активно образуются различными способами - по устойчивой модели и путем преобразования синтаксической структуры единицы:

в (каком-нибудь) вкусе - в **греческом вкусе** - “по-гречески”; в **европейском вкусе** - “по-европейски”, в **новом вкусе** - “по-новому”; (каким-нибудь) **образом** - таким образом, решительным образом, привлекательным образом; в срочном порядке, в пожарном порядке; деньги не пахнут - «непахнущие» деньги; вешать лапшу на уши - лапша на уши; проливать/пролить кровь - пролитие крови; наносить/нанести ущерб - нанесенный ущерб, отводить/отвести глаза - отвод глаз; в силу (чего) - в силу того что, несмотря на (что) - несмотря на то что.

6. Фразеобразование может постепенно преобразоваться в словообразование: принимать/принять решение - принятие решения – решение, принятое...; дистанция огромного размера - значительная дистанция; проливать/пролить кровь - пролитая кровь - кровопролитие.

7. Фразеологизмы, имеющие один общий компонент, могут объединяться в своеобразные однородные ряды: нанесенные раны и обиды, ушам и глазам не верю, сильные и слабые места.

8. Новые фразеологизмы образуются на базе общеупотребительных или специальных словосочетаний - крыша поехала, катить бочку, вешать лапшу на уши, сесть, сидеть на игле, соскочить с (финансовой) иглы.

Как явствует из этого далеко не полного списка реализующихся видоизменений фразеологизмов и способов их образования, главным, определяющим свойством фразеологического состава русского языка является постоянная противопоставленность устойчивости каждой единицы ее динамичности, а не только варьированию, как считал В.Л. Архангельский и считает В.М. Мокиенко.

*Чернева Н.П., Шкодрова Д.Н.
(Болгария, Пловдив)*

О СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «MONEY» В АНГЛИЙСКОМ, «ДЕНЬГИ» В РУССКОМ И «ПАРИ» В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Учитывая условия современной реальности, политические и финансовые взаимоотношения нового типа между западноевропейскими странами, Болгарией и странами СНГ, приводящие к новому взгляду на цели и способы организации обучения русскому языку, авторы настоящего сообщения поставили себе цель: на основе анализа фразеологизмов с компонентом «money» в английском, «деньги» в русском и «пари» в болгарском языках /в количестве 110/ выявить сходства и различия в семантических группах рассматриваемых фразеологизмов в трех вышеуказанных языках и обратить внимание на близость и расхождения в их образах и значении.

Используя такие грамматические понятия, как «предметность», «качественность», «процессуальность» и т.д., соотносительные с наиболее общими логическими категориями, в выделенных четырех основных семантических группах авторы приходят к выводам:

1. Как для всей области фразеологии, так и для рассматриваемой группы фразеологизмов характерны явления вариантности и синонимии, антонимии, полисемии.
2. Количество фразеологизмов с компонентом «money» в английском языке превышает количество тех же самых с компонентом деньги в русском и «пари» в болгарском языках, что мотивировано фетишизацией денег в сознании англоговорящего. Этот вывод теснейшим образом связан с влиянием экстралингвистических факторов на формирование образа при создании этих фразеологизмов.
3. В некоторых русских эквивалентах есть другой именной компонент.
4. Некоторые болгарские фразеологизмы не имеют эквивалентов в русском языке.

*Чернева Н.П.
(Болгария, Пловдив)*

О ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ - ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Интенсивное развитие фразеологии за последние годы характеризуется вовлечением в сферу научного поиска все новых проблем и аспектов, которые опираются на сложившиеся в русском языкознании теоретические основы фразеологии. Большой интерес к контрастивной лингвистике вообще и к сравнительному изучению фразеологических составов пар генетически родственных языков объясняется значимостью результатов исследований как для теоретического осмысления языковых явлений каждого отдельного языка, так и для целого ряда прикладных дисциплин.

Настоящая работа ориентирована на синхронно-сопоставительное одностороннее описание фразеологических единиц с компонентом- числительным в русском и болгарском языках. Объектом наблюдения являются 136 ФЕ, excerpiрованных из Русско-болгарского фразеологического словаря под редакцией С.И. Влахова. Цель автора - вычленив из фразеологического континуума группу фразеологизмов с вышеуказанным компонентом, выявить неодинаковую продуктивность имен числительных различных лексико-грамматических разрядов в них, установить сходства и различия в планах выражения рассматриваемых единиц, а также раскрыть национальную специфику плана содержания и своеобразии внутренней формы данных фразеологических оборотов обоих языков.

В результате проделанного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Русским фразеологизмам с компонентом-числительным соответствуют болгарские (109 ФЕ). Лишь немногие из них являются полными энвивалентами с точки зрения их плана содержания и плана выражения /**Седьмое небо, обикн. быть, находиться, чувствовать себя на седьмом небе и попасть на седьмое небо - /Съм, намирам се, озова се/ на седмото небе /от щастие/.**

2. Тождественность в плане выражения наблюдается у 96 ФЕ. Наибольшая продуктивность компонента «один» объясняется синкретичностью его семантики. На втором месте по частотности компоненты «первый», «два», «второй», за ними - «четыре», «семь», «пять», «три». /**В одно ухо входит/вошло, а в другое выходит/вышло=в одно ухо впустить, а в другое выпустить что - От одного уха влиза/влезе, от другото излиза/излезе: Из двух зол меньшее выбрать - / Избера/ от двете злини по-малката/.**

3. Расхождение в плане выражения 13 ФЕ /**Семь потов сошло/сойдет с кого и без доп. - Три пъти, десет пъти, сто пъти /ще/ се изпотиш /докато направиш нещо/ или отсутствие компонента-числительного в болгарских фразеологизмах (27 ФЕ): /**Двадцать два несчастья - «Марко Тотев», върви /му/ като на бясно куче тояги, с черен повой /е/повиван, вечно нещо ще /му/ се случи/** мотивировано проявлением национальной специфики в образной основе фразеологизма.**

4. Явления вариантности и синонимии характерны для ФЕ рассматриваемой группы в болгарском языке.

Шиганова Г.А.
(Челябинск)

К ВОПРОСУ О СИНОНИМИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лексические и фразеологические предлоги имеют собственное лексическое и фразеологическое значение. В подтверждение этого приведём ряд доводов: 1) возможность использования разных предлогов при одной и той же падежной форме (до окна, от окна, из окна, около окна, вблизи окна, **недалеко от** окна, у окна; **по случаю** праздника, **по поводу** праздника и т.п.); 2) наличие синонимических или антонимических отношений (под окном - над окном, на гору - с горы, в землю - из

земли, от дома - к дому, **вдалеке от деревни - невдалеке от деревни, по направлению к дому - по направлению от дома**), 3) возможность изолированного употребления (И слышит шёпот гордый вода и под и над...(В.Маяковский). Не благодаря, а вопреки...).

Тот факт, что предлоги имеют собственное значение, свидетельствует о возможности их вступать в те же самые системные отношения, что и знаменательные части речи: синонимические, антонимические, омонимические. Синонимия предлогов до сих пор в русском языке не изучена, что отрицательно сказывается на развитии грамматической теории.

Предлоги образуют смешанные лексико-фразеологические ряды (внешняя синонимия). При выявлении таких рядов важно учитывать многозначность предлогов, их субкатегориальные, групповые и индивидуальные семы. При глубоком анализе предложно - падежных конструкций раскрываются семантические и стилистические оттенки в кругу тех или иных значений, выражаемых предлогами.

Синонимичными мы считаем предлоги, обозначающие один тип субкатегориальных отношений и входящие в одну семантическую группу или подгруппу, отличающиеся оттенками индивидуальных значений либо стилистической принадлежностью. Например, лексические и фразеологические предлоги со значением причины образуют такой синонимический ряд: **по причине** (чего), **в связи с** (чем), **в результате** (чего), **по вине** (кого, чего), **на почве** (чего), **по милости** (кого, чего), **в меру** (чего), **по мере** (чего), **из-за** (кого, чего), **вследствие** (чего), **ради** (кого, чего), **от** (чего), **благодаря** (чему), **ввиду** (чего).

Для выявления тонких смысловых оттенков должен быть проведен тщательный семный анализ предлогов и анализ лексико-семантических связей справа и слева.

Шулежкова С. Г.
(Магнитогорск)

СУДЬБЫ БИБЛЕЙСКИХ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Библия – это книга, коей, по словам А. С. Пушкина, «каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено к всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов...». Освоение библейских выражений на Руси началось с Крещения, когда из Византии в Киев вместе со священнослужителями прибыли написанные на церковнославянском языке основные книги христианского культа. Язык Священного Писания, «спокойный и порывистый», «исполненный пафоса и величия» (В. В. Розанов), стал звучать в русских монастырях, в православных храмах; на нём в средневековой Руси писали богословские трактаты, жития, поучения; он проникал в светскую литературу, в научные труды. Писцы средневековой Руси, как и писцы средневековой Европы, были хранителями культуры, а Священное Писание – ориентиром жизни (С. С. Аверинцев, 1977). Неудивительно, что Библия - неисчерпаемый источник афоризмов, сентенций, образ-

ных изречений. Судя по дошедшим до наших дней ономастиконам, приточникам, славяно-русским словарям и азбуковникам, библеизмы были одним из самых мощных пластов складывающегося в древнерусском, а затем и в старорусском языке фонда крылатых единиц. В 19-м веке их потеснили, но не вытеснили крылатые выражения, восходящие к художественной литературе. К концу 20-го столетия, несмотря на появление множества новых источников, библейские крылатые выражения составляют около 20% фонда крылатых единиц русского языка.

Отличительной особенностью библейских крылатых выражений является «генетический довесок», тот ассоциативный фон, который напоминает носителю языка о породившем их источнике. Однако сама Библия в христианских странах превращается в стержень культуры. Её сюжетами, идеями питаются живопись, музыка, театр, скульптура, архитектура, различные вербальные виды и жанры искусства, охватывающие не только церковную, но и светскую сферу. Здесь «обкатываются» готовые библейские микротексты; возникают новые сверхсловные языковые единицы, лексически и структурно оформленные вне Священного Писания, хотя и подсказанные, «навеянные» им; здесь же известные библейские выражения «обрастают» вариантами, синонимами, антонимами, переживают структурные и семантические метаморфозы.

Вполне естественно, что для многих из них характерна многослойность ассоциаций, связанная с их жизнью в искусстве, ср., например, зрительные ассоциации (**явление Христа народу**), музыкальные (**страсти по Матфею**), песенные (**Мир дому твоему**), литературные (**хождение по мукам**) и т. д. «Вторичные, культурные» ассоциации по-разному сказываются на судьбе библейских крылатых выражений: 1) связь с первичным источником (Библией) постоянно актуализируется, легенды из Священного Писания оживают, воспроизводятся вновь и вновь (ср.: **возвращение блудного сына**, **Иудин поцелуй**, **изгнание из рая**, поддержанные живописными полотнами); 2) «первичные» ассоциации вытесняются «вторичными» культурными ассоциациями (ср.: **Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет**, которое носители языка связывают не с Христом, а с Александром Невским после кинофильма С. Эйзенштейна); 3) множественность «вторичных» ассоциаций и сверхвысокая частотность употребления могут привести библеизм в ряд безымянных языковых единиц (ср. **Чаша терпения переполнилась**, **корень зла**). Способность крылатого выражения сохранить библейские ассоциации зависит от множества факторов: от наличия в его составе «библейски маркированных» компонентов (например, антропонимов и производных от них - **ноев ковчег**, **адамовы веки**, **кающаяся Магдалина**; церковнославянизмов – **вавилонское столпотворение**, **пещь огненная** и пр.); от отношения носителей языка к самому источнику и степени знакомства с ним; от уровня образованности и масштабности таланта мастеров культуры, использующих в своём творчестве библейские символы и выражения, от степени популярности самой библейской легенды-источника и т.д.

Священное Писание в нашей стране вновь стало одной из самых читаемых книг, что является залогом сохранения и умножения в русском языке библейских крылатых выражений.

Щербакова Н.Н.
(Омск)

ПРОБЛЕМА ПОДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В ОБРАТНОМ СЛОВАРЕ

Потребность современного прикладного языкознания в таких источниках, как обратные словари, очевидна. Инверсарий во многом облегчает техническую работу исследователя по сбору материала, особенно при исследовании словообразования. Кроме того, он может быть использован как многоаспектный лексикографически источник.

Одной из проблем современной лексикографии является подача фразеологизма в обратном словаре.

Первый вопрос, который в таких случаях возникает: а стоит ли вообще включать ФЕ в инверсарий?

Лексикографическая практика не дает однозначного ответа на данный вопрос. Существуют работы, которые включают фразеологизмы в состав словаря. Такая практика характерна прежде всего для диалектных инверсариев. Существуют словари, которые включают ФЕ полностью, чаще же встречается включение компонента ФЕ.

В большей же части обратных словарей фразеологизм не фиксируется. Думается, что этот подход представляется наиболее обоснованным, поскольку извлечение компонента неизбежно влечет за собой разрушение целостной структуры ФЕ. В случае, когда фразеологическая единица содержит интересное в формальном плане слово, такое расчленение отчасти можно оправдать этим обстоятельством. Но в тех случаях, когда речь идет о компонентах, не представляющих таких явлений, вряд ли следует разграничивать компоненты и подавать их отдельно. Так, диалектный фразеологизм **ковровый полушалок**, имеющий в русских старожильческих говорах Среднего Прииртышья значение «плотный платок» при расчленении на компоненты теряет целостное значение, кроме того, каждый отдельно взятый компонент не представляет какого-либо особенного образования. В связи с этим авторы обратного индекса к «Словарю русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» предлагают фразеологизмы в состав инверсария не включать.

Юнаковская А.А.
(Омск)

ПРОБЛЕМА ПОДАЧИ И ТОЛКОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЕ, ОТРАЖАЮЩЕМ РУССКУЮ НАРОДНО-РАЗГОВОРНУЮ РЕЧЬ

До сих пор лексикографической теорией и практикой не решен вопрос о способе размещения фразеологических единиц в толковых словарях различного типа

(в т.ч. и разговорных).

Возможно два принципиально различных подхода:

- 1) ФЕ помещается в статьях на слова, являющиеся ее компонентами;
- 2) ФЕ имеет самостоятельную статью.

Для словарей, отражающих живую разговорную речь, следует предложить подход, при котором ФЕ выносятся в отдельную словарную статью (это должно расцениваться если не как обязательный, то как явно предпочтительный способ подачи фразеологического материала).

Важным является определение позиции в вопросе: на какой компонент следует помещать ФЕ. Это может быть: а) семантически опорное слово, б) грамматический центр словосочетания, в) первое полнозначное слово, г) константа (слово, представленное во всех вариантах ФЕ), д) все слова-компоненты, е) грамматически ведущий компонент. Наиболее рациональным способом расположения ФЕ в словаре является структурно-семантический, разработанный А.И. Молотковым.

В составе обиходно-разговорной фразеологии выделяются следующие разряды: а) именные ФЕ (**жадина-говядина** «жадный человек», **китайский разведчик** «хитрый человек»), б) глагольные ФЕ (**с головой не дружить** «плохо соображать»), в) адъективные ФЕ (**весь из себя** «модный, одетый с претензиями на моду»), г) адвербиальные ФЕ (**как с куста** «легко»), д) междометные (**японской бог!**, **ядрена вошь!**), е) звуковые ФЕ (**ля-ля три рубля, на фу-фу (брать)**).

В целях сокращения объема словаря каждую ФЕ следует помещать только один раз с толкованием или иллюстративным материалом на опорное слово; при помещении ФЕ на неопорный компонент необходимо давать ссылку на опорное слово. Можно предложить следующее построение словарной статьи в словарях разговорного типа: заглавное слово (опорное во ФЕ) - фразеологическая единица - стилистическая помета - указание на сферу употребления - толкование значения - иллюстративный материал - синонимические ФЕ.

При толковании ФЕ могут использоваться следующие способы: а) описательный, б) синонимической замены, в) описательно-синонимический, г) отсылочный и др.

Толкование ФЕ должно указывать на принадлежность фразеологизма к определенному разряду, поэтому на первом месте в толковании глагольной фразеологической единицы должен быть глагол, в толковании именной единицы - именное слово, в толковании адъективной - прилагательное, адвербиальной - наречие. В составе разговорной фразеологии выделяются такие единицы, у которых трудно определить предметное содержание или синтаксическую структуру. У данных ФЕ можно использовать описательный способ толкования (**я (тебе) не рабыня Изаура** «об отказе делать что-либо», **кучум был хороший парень** «о предложении помолчать»).

Проблема подачи и толкования ФЕ в словарях разговорного типа требует дальнейшей детальной разработки.

ГЛАГОЛЬНО-СУБСТАНТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ МИКРОПОЛЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ»

К наиболее обширным и структурируемым семантическим полям, формирующим фрагмент лингвистической картины мира, представляемой фразеологизмами, относится фразеосемантическое поле «психическая деятельность». Рассмотрим одно из микрополей, входящих в его состав и образованных глагольно-субстантивными ФЕ, - «эмоциональное переживание».

Данное микрополе состоит из более чем 110 ФЕ и является довольно разветвленным. ФЕ данного микрополя построены по 17 основным синтаксическим моделям. Наиболее многочисленная группа – двучленные фразеологизмы (56,5 % от общего числа ФЕ микрополя) модели «гл. + сущ. в косв. падеже», являющиеся в большинстве своем фразеологическими сочетаниями (например, **наносить оскорбление, причинять неприятности** и др.) или реже - идиомами (**набивать оскомину, иметь (держат) зуб** и др.). Значительно менее распространены трех- и четырехкомпонентные фразеологизмы.

Среди анализируемых фразеологизмов субъектными, т.е. не требующими распространения каким-либо внешним объектом, является 21 фразеологизм (например, **нести свой крест, терпеть испытание, предаваться неге, хватить (хлебнуть) горячего (горького) до слез** и др.). Остальные фразеологизмы являются объективными, то есть распространяются внешним, чаще обязательным, реже факультативным объектом, форма которого может детерминироваться а) глагольным компонентом ФЕ, б) именным // именными компонентами или в) семантикой фразеологизма в целом (ср. **грозить палкой** (кому), **преисполняться чувством** (чего), **заедать чужой век** (кого), **делать комплименты** (кому), **вилять хвостом** (перед кем)). Объектные ФЕ могут распространяться одним словом или несколькими (двумя и более). Во втором случае форма каждого их внешних объектов может детерминироваться по-разному: семантикой фразеологизма в целом (**вытягивать все жилы** кому, из кого; форма одного из внешних объектов обусловлена именным компонентом, а другого - фразеологизмом в целом, **ласкать слух** чем, кого; форма одного внешнего объекта может детерминироваться глагольным компонентом, а двух других - именным: **внушать страх** к кому-чему, кому, перед кем-чем. Встречаются также и некоторые другие комбинации.

Используя методику семантического анализа, учитывающего единство формы и содержания ФЕ, мы можем установить характер семантической членимости фразеологизмов, различные типы значимости лексических компонентов ФЕ (непосредственно эксплицированные, опосредованно эксплицированные и полу-эксплицированные нескольких видов, ассоциативные и имплицитные элементы), типы зависимости между элементами семантической структуры фразеологических единиц и компонентами их материальной формы (различные типы детерминации). Сопоставив данные этого семантического анализа и особенности детерминации объектными ФЕ формы внешних объектов, мы сможем выявить определенные закономерности, устанавливающие непосредственную связь между семантической структурой глагольно-субстантивных ФЕ и их синтаксическими свойствами.

СОДЕРЖАНИЕ

Аврасин В.М. ЗАМЕТКИ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНТАМИНАЦИИ И СМЕЖНЫХ ЯВЛЕНИЯХ.....	3
Алейникова Т.В., Никулина Л.И. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-АНТРОПОНИМАМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	4
Алефиренко Н.Ф., Елисеева О.В. МЕТОНИМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ.....	5
Алефиренко Н.Ф., Заметалина М.Н. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БЫТИЙНО-КВАНТИТАТИВНОГО ПОЛЯ.....	6
Алещенко Е.И. ТИПЫ ВАРИАТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОЭТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	7
Байрамова Л.К. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ.....	8
Белозерова Ф.М., Евграшина О.Л. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА (на материале фразеологических единиц с компонентом- наименованием профессии в английском, немецком и русском языках).....	8
Белозерова Ф.М., Мурашкина Ю.В. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-НАИМЕНОВАНИЯМИ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ (На материале английского и русского языков).....	9
Белозерова Ф.М. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОНИМОВ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	10
Бобровская Г.В. ОМОНИМИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	10
Брыкина Е.В. ИДИОМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ НРАВСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ В ДОНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ.....	11
Бурмистров Ю.Я. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ ДИХОТОМИИ «СИНХРОНИЯ - ДИАХРОНИЯ».....	12
Габрик Е.Ф. ОБРАЗОВАНИЕ ФЕ С ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ-ИМЕНЕМ В ФОРМЕ ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА.....	13
Гашева Л.П. ПОЗИЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	14
Георгиева Стефка ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ - НАЗВАНИЕМ ПИЩИ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ.....	14
Глотова Е.А. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА КАК ЭЛЕМЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ.....	15
Гнездилова И.Н. АВТОРСКОЕ КИНО КАК ИСТОЧНИК ФРАЗЕОЛОГИИ.....	16
Голикова Т.А., Драчева С.И. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИ- ФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА «ЗЛОЙ ДУХ» В АЛТАЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ.....	17
Голикова Т.А. СРАВНИТЕЛЬНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АЛТАЙСКО-РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	18
Голованова Е.И. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ.....	18
Горьковская В.Д., Еремина В.В., Косович Л.Ф., Филимонова Н.Ю. ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ИНОСТРАНЦАМИ	

НА ДОВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ.....	19
Григораш А.М. ИНВЕРСИЯ КАК СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРИЕМ АВТОРСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	19
Гурбиш Ежи ФРАЗЕОЛОГИЯ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА.....	20
Дубова М.Е. К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ.....	21
Железова Е.Ю. ФРАЗЕОЛОГИЗМ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ.....	21
Жуков А.В. О ЯВЛЕНИИ ДЕФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	22
Золотых Л.Г. СООТНОШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	23
Иванова Л.В. О СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МОЛОДЕЖНОМ ЖАРГОНЕ Г. ОРЕНБУРГА.....	24
Игнатъева Л.Д. УДАРЕНИЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ПРЕДЛОЖНО- ИМЕННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ (С ПРЕДЛОГОМ «НА»).....	25
Казачук И.Г. ВАРИАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	26
Кайгородова И.Н. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИДИОМАТИКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ.....	27
Клещева И.В. ЖАРГОННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КОНЦА XX ВЕКА.....	28
Кобелева И.А. РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ В СЛОВАРНОЙ РАЗРАБОТКЕ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	29
Ковалёва Н.А. МАТРИЧНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ АВТОРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	30
Комарова З.И. ВЕРБЛЮД РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ГРАНИЦАХ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	31
Ксенофонтова Л.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	32
Кузнецова И.В. О СЛОВАРЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ.....	32
Кузнецова И.В. ИЗ НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	33
Куньгина О.В. ОМОНИМИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ И МОДАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	34
Лебединская В.А. ДИНАМИЗМ ВНЕШНЕЙ ФОРМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	35
Лебединская В.А., Усачева Н.Б., Цыцаркина Е.Л. ЭТНОФРАЗЕ- ОЛОГИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА.....	36
Леонова Т.Г. НАРОДНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ОПИСАНИИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ).....	36
Липатов А.Т. «ТЁМНЫЕ» СЛОВА В СТАРИННЫХ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И ПОПЫТКИ ИХ ЭТИМОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.....	38
Логинова О.В. ДВА ПРОЯВЛЕНИЯ ДИНАМИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	39
Мелерович А. М. О НОМИНАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТЕ КАК СПОСОБЕ КОНЦЕПТООБРАЗОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЯ А. М. МЕЛЕРОВИЧ, В. М. МОКИЕНКО	

«ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОЙ РЕЧИ».....	40
Мительская Ж.З., Юздова Л.П. ПЕРЕХОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (КАЧЕСТВЕННО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННОГО И МОДАЛЬНОГО).....	41
Михайлова Г.И. О РАЗВИТИИ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	42
Наумова К.Г. О СЛОВАРЕ НОВОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	43
Недельчо Е.В. ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТАМИ ЦВЕТО- И СВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА	43
Нестерова Л.Ю. МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПРЕДИКАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	45
Овчинникова А.В. О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА.....	45
Панина Л. С. НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ДЕРЕВЬЕВ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	46
Панина Л.С. МЕСТО СПЕЦКУРСА «ОСНОВЫ РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ» В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН.....	47
Петрова И.В. ОСВОЕНИЕ БИБЛЕЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПИСАТЕЛЯМИ-СТАРООБРЯДЦАМИ	47
Подгорбунских Н.А. РИТУАЛЬНЫЕ КОРНИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК, СВЯЗАННЫХ С ТЕМОЙ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ.....	48
Притчина Т.В., Терещенко Т.С. ЭПОНИМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	49
Радченко Е.В. ПРОДУКТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ОБРАЗОВАНИИ ПРИЧАСТНЫХ И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ.....	49
Ратушная Е.Р. О ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА.....	50
Рязановский Л.М. ФОРМУЛА НЕВОЗМОЖНОГО В НЕМЕЦКИХ ЛОКАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ.....	51
Савова П.Д. ОБ ОДНОМ ПРОЕКТЕ БОЛГАРСКО-РУССКОГО ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЗООНИМНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	52
Свиридова А.В. ОПЫТ СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ НЕ.....	52
Складана Яна. ДИНАМИКА ФРАЗЕОЛОГИИ В ДИАХРОНИИ.....	53
Слухай Т.А. СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ГРАММАТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА БЕЛЫЙ СВЕТ.....	54
Слухай Т.А. ФЕ С КОМПОНЕНТОМ-ПРИЛАТЕЛЬНЫМ В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ.....	54
Соколова А.А. РОЛЬ ГЛАГОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В СОЗДАНИИ СЕМАНТИКИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКАТЕГОРИИ ОТНОШЕНИЯ.....	55

Соловьева А. Д. ДВА ТИПА ДИНАМИЗМА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ В. М. ШУКШИНА.....	57
Тарасенкова О.В. СИСТЕМНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	58
Смакотина Т.М. СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛО- ГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	58
Туркина Б.В. ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПУНКТУАЦИЯ.....	59
Усачева Н.Б., Усачев Е.В. СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	60
Усачева Н.Б. О СЛОВАРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ИМЕТЬ.....	61
Федорова В.П. ИЗ ДВЕРЕЙ В ДВЕРИ.....	61
Филоненко Т.М. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА.....	63
Фокина М.А. ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЙ В РОМАНЕ В. МАКСИМОВА «КОВЧЕГ ДЛЯ НЕЗВАННЫХ».....	63
Хазанов И.Я. О ПОНЯТИИ «СЛОВОФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ.....	64
Халитова Н.Р. ПРИЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» В. ШАЛАМОВА.....	65
Харлова Н.М. ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	65
Чепасова А.М. ДИНАМИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	66
Чернева Н.П., Шкодрова Д.Н. О СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «MONEY» В АНГЛИЙСКОМ, «ДЕНЬГИ» В РУССКОМ И «ПАРИ» В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ.....	68
Чернева Н.П. О ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ - ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ.....	68
Шиганова Г.А. К ВОПРОСУ О СИНОНИМИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	69
Шулежкова С. Г. СУДЬБЫ БИБЛЕЙСКИХ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	70
Щербакова Н.Н. ПРОБЛЕМА ПОДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В ОБРАТНОМ СЛОВАРЕ.....	71
Юнаковская А.А. ПРОБЛЕМА ПОДАЧИ И ТОЛКОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЕ, ОТРАЖАЮЩЕМ РУССКУЮ НАРОДНО-РАЗГОВОРНУЮ РЕЧЬ.....	71
Якимов А.Е. ГЛАГОЛЬНО-СУБСТАНТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ МИКРОПОЛЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ».....	72

Динамика фразеологического состава языка
Тезисы международной научной конференции

24 – 25 ноября 1999 года

Редактор О.А.Пойлова

Лицензия ЛР № 020376 от 17.06.97

ИЗДАТЕЛЬСТВО КГУ
2-376-04

Подписано к печати

Формат 60*84 1/16

Заказ

Усл.печ. л. 4.75

Тираж 300 экз.

Бумага тип №1

Уч.-изд. л. 4.75

Цена свободная

Издательство Курганского государственного университета,
640669, Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет, ризограф